

Х. Послѣднія объединительныя попытки и упадокъ политическаго интереса въ Греціи.

Покореніе Азіи—національное призваніе грековъ. Въ 380 году въ Афинахъ вышло небольшое публицистическое произведеніе Исократъ подь заголовкомъ «Панегирикъ»; оно передаетъ очень характерныя настроенія не только афинскаго общества, но и вообще широкихъ круговъ тогдашней Греціи.

Выпуская время отъ времени брошюры, въ которыхъ развивалась какая-нибудь важная очередная политическая тема, Исократъ (436—338) умѣлъ улавливать вкусы и потребности публики. По вѣщности его литературныя статьи сохраняютъ форму рѣчи, произнесенной передъ большой аудиторіей, но рассчитаны онѣ уже на кругъ читателей, а не слушателей. Причина этого превращенія оратора въ писателя заключается не въ однихъ личныхъ качествахъ Исократъ, челоуѣка со слабымъ голосомъ и застѣнчиваго; здѣсь гораздо важнѣе то обстоятельство, что съ упадкомъ политической жизни потеряло въ значительной мѣрѣ силу публичное слово: вмѣсто того, чтобы идти въ большое собраніе, люди предпочитаютъ на досугъ спокойно прочитать написанную рѣчь. Подъ влияніемъ такой переменны выработался особый стиль и манера изложенія: читатель искалъ въ статьѣ историческихъ ссылокъ и параллелей; ему пріятно было встрѣтить немножко ученаго аппарата въ занятномъ доступномъ изложеніи.

Авторъ «Панегирика» дѣлаетъ видъ, что передъ нимъ большое общегреческое праздничное собраніе, *πανήγυρις*, въ родѣ Олимпійскихъ игръ. Сущность рѣчи—призывъ къ великому общему походу противъ персовъ; во главѣ національнаго предпріятія должны стать Спарта и Афины. Постепенно въ ходѣ изложенія Исократъ какъ бы забываетъ о Спартѣ и сосредоточивается на доказательствѣ естественнаго и заслуженнаго первенства въ Греціи Афинъ. Вождемъ большого національнаго похода должны стать Афины, такъ какъ этотъ городъ—родона-

чальникъ всѣхъ благъ просвѣщенія и человѣчности, которыми пользуется Греція. Чтобы доказать это положеніе, Исократъ набрасываетъ культурно-историческій очеркъ развитія Аѳинъ съ самой отдаленной старины. Аттика—страна, которую на зарѣ времяя благословила богиня земледѣлія Деметра, нашедшая здѣсь приютъ послѣ своихъ блужданій. Аѳины были первой просвѣщенной общиной въ Греціи, откуда другіе греки заимствовали начала науки, права и законодательства. Аѳины имѣли уже законы и конституціонныя учрежденія, представляли собой благоустроенное государство въ то время, когда кругомъ господствовала дикость, когда сосѣди нуждались или въ помощи для установленія порядка, или въ ободряющемъ примѣрѣ. Въ движеніи отъ варварства къ культурѣ Исократъ считаетъ важнымъ фактомъ замѣну кровной мести правильнымъ судебнымъ разбирательствомъ по уголовнымъ дѣламъ: первымъ законодательствомъ въ этомъ смыслѣ были постановленія аѳинянина Драконта, остальные греки заимствовали у Аѳинъ уже выработанное право. Эта часть статьи Исократа любопытна, прежде всего, какъ показатель вкусовъ аѳинскаго общества: авторъ сознавалъ необходимость угодить ему культурно-исторической идеализаціей родного города. Затѣмъ она свидѣтельствуетъ о новомъ направленіи научнаго интереса сравнительно съ вѣкомъ софистики; къ работѣ юридической школы, выдвигавшей на первое мѣсто принципиальные вопросы о происхожденіи закона, о естественномъ правѣ и т. д. присоединилось изученіе реальной мѣстной старины. Одновременно съ Исократомъ появляются составители аѳинской ученой лѣтописи, аттидографы, которые стараются возстановить черты древнихъ учреждений, содержаніе ранняго законодательства Аттики; Исократъ популяризируетъ изъ этихъ работъ то, что годится въ качествѣ введенія къ его общей темѣ.

На ряду съ фактомъ исконной правовой и конституціонной традиціи Аѳинъ панегиристъ выдвигаетъ промышленную роль своей родины. По его словамъ, уже съ давнихъ поръ Аѳины развивали торговлю, искусства и ремесла, которыя частью они сами изобрѣли, частью приложили у себя на опытѣ и сообщили другимъ. Въ своей гавани, Пирей, Аѳины имѣютъ среди Греціи товарный рынокъ и складочное мѣсто; расположенный на скрещеніи дорогъ, городъ служитъ посредникомъ крупнаго обмѣна, беретъ у однихъ излишекъ и заполняетъ скудость другихъ. Исократъ въ сущности повторяетъ мысль, которую выражалъ еще въ V вѣкѣ анонимный противникъ демократіи, авторъ олигархическаго памфлета, а именно, что Аѳины своей обширной международной торговлей, своимъ далеко проникающимъ сбытомъ и подвозомъ товаровъ изъ отдаленныхъ краевъ достигли первенства въ гре-

ческомъ мірѣ. Публицистъ IV вѣка добавляетъ, что нѣтъ города, который бы въ такой мѣрѣ, какъ именно торговый, былъ пригоденъ для руководящей роли, потому что онъ для всѣхъ открытъ и доступенъ, онъ свободенъ отъ всякихъ стѣснительныхъ политическихъ мѣръ, въ родѣ спартанской ксенеласіи (изгнанія иностранцевъ), потому что отъ непрерывнаго тренія противоположностей въ немъ смягчаются рѣзкости, накаплиется разнообразный и пестрый опытъ. Такой городъ представляетъ всѣ выгоды для объединенія и сближенія греческихъ общинъ, подобно періодически повторяющимся національнымъ праздникамъ, гдѣ забывается всякая рознь и выступаетъ только чисто-культурное соперничество. Аѣины въ своихъ стѣнахъ соединяютъ блескъ такихъ зрѣлищъ съ выдающимися произведениями художественной рѣчи и умственнаго просвѣщенія. Въ городѣ постоянно имѣется все, что содѣйствуетъ подъему и развитію общегреческаго сознанія, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ вѣчнымъ праздничнымъ собраніемъ. Исократъ заканчиваетъ это восхваленіе тонкой общественности родного города замѣчательными словами, которыхъ и не ожидаешь найти у писателя, вообще средняго, не отличающагося чеканеннымъ слогомъ. «Нашъ городъ въ такой мѣрѣ оставилъ позади себя остальные въ искусствѣ рѣчи и мысли, что уже теперь имя эллиновъ перестало относиться только къ народу, а означаетъ духъ эллинскій, и уже теперь эллинами скорѣе называютъ тѣхъ, кто посвященъ въ нашу образованность, а не тѣхъ, кто съ нами одной крови»¹.

Исократъ ссылается затѣмъ на великія заслуги Аѣинъ въ спасеніи Греціи отъ нашествія персовъ; образованная ими потомъ морская держава обезпечила всѣмъ общинамъ союза спокойную торговлю; господство аѣинянъ на морѣ и не могло бы такъ долго продержаться, если бы подчиненныя общины не чувствовали себя удовлетворенными. Исократъ рѣшается сказать, нѣсколько погрѣшая противъ дѣйствительности, что аѣиняне мало вмѣшивались во внутреннія дѣла, въ борьбу партій у союзниковъ. Если же Аѣины по временамъ помогали демократическимъ партіямъ, то это, въ глазахъ Исократа, было патріотическимъ дѣломъ; сближаясь съ демократіями, аѣиняне создавали единодушное общее отечество, тогда какъ изгоняемые ими олигархіи держали остальныхъ гражданъ въ безправномъ положеніи, правили тираннически и этимъ вносили въ общины расколъ. Исократъ заканчиваетъ похвалой старой демократіи: «намъ не нужно особливо славить народное правленіе, потому что въ теченіе тѣхъ 70 лѣтъ, когда мы пользовались его благодѣяніями, мы не видѣли во всей Греціи ни тиранновъ, ни подчиненія иноземному господству, ни междоусобій, мы жили въ мирѣ со всѣми». Национальная война противъ восточнаго врага мотивируется у Исо-

крата очень горячо. Зачѣмъ она нужна? Чтобы покончить внутреннія усобицы, чтобы напитать опять обѣднѣвшую страну. Родина наша стала пустыней, «и одни погибли на своей же землѣ отъ насилія, другіе на чужбинѣ скитаются со своими семьями, многіе изъ страха голодной смерти вынуждены проливать кровь свою въ интересахъ нашихъ враговъ и идти противъ своихъ братьевъ грековъ. Италия обезлюдѣла, Сицилія порабощена, многіе города отданы варварамъ, остальная Греція въ величайшей нуждѣ. Здѣсь горькая бѣдность, которая разлучаетъ друзей, дѣлаетъ врагами людей, между собой близкихъ, а тамъ насъ ждетъ богатая, роскошная страна, тамъ мы можемъ добыть счастье, приволье и избытокъ, вмѣстѣ же съ богатствомъ вернется въ дома и въ общины единодушье и согласие». Всѣ эти чрезвычайно открытые, реалистическіе мотивы необходимо было, однако, украсить возвышенной идеологіей, придумать красивое знамя для завоеванія и захвата. И вотъ оказывается, что война вытекаетъ изъ религіозныхъ и моральныхъ обязанностей грековъ: персы—варвары, они осквернили въ свое время греческія святыни, должна слѣдовать священная месть. Авторъ спѣшитъ добавить, что персы къ тому же еще и слабы: въ большой державѣ непрерывные мятежи, постоянно отпадаютъ цѣлыя области. «Отъ Книды до Синопы греки населяютъ кайму Азіи, и ихъ нечего даже возбуждать къ войнѣ, достаточно только не удерживать». Все предпріятіе соединенныхъ грековъ противъ персидской державы будетъ похоже скорѣе на священное шествіе или богомолье (θεωρία)², чѣмъ на походъ. «Это единственная война; которая лучше, чѣмъ миръ, потому что она оставитъ насъ въ спокойномъ обладаніи своего достатка и обѣщаетъ приобрѣтеніе большихъ богатствъ на чужбинѣ». «Перенесемъ войну въ Азію, а счастье Азіи къ себѣ».

Призывъ Исократы, соединяющій въ себѣ религіозно-патріотическіе и матеріально-захватные мотивы, удивительно напоминаетъ историкъ приглашенія папъ XI и XII вв., когда они звали западное воинство на покореніе богатаго, разрушающагося и въ то же время грѣшнаго, невѣрнаго Востока; если позволено анахронистическое выраженіе, хочется сказать, что и здѣсь передъ нами программа крестоваго похода.

Итакъ, воинственное богомолье противъ персовъ—вотъ выходъ изъ всѣхъ золь, раздражающихъ Грецію. Исократъ не считаетъ пужнымъ перечислять ихъ, да это было бы и мало тактично. Но намъ не трудно возстановить то, о чемъ умолчалъ публицистъ. Несмотря на похвалы, расточаемыя демократіи, онъ—человѣкъ умѣренно-консервативныхъ взглядовъ; его очень занимаютъ интересы капитала, зажиточныхъ классовъ, нуждающихся въ спокойствіи, обезпеченіи кредита и т. п. Между

тѣмъ въ Греціи нѣтъ покоя отъ волненій пролетаріата, отъ бродящихъ всюду эмигрантовъ и отъ людей военной профессіи, которые ищутъ столкновеній и усобицъ, чтобы найти себѣ занятіе и заработокъ. Нѣтъ лучшаго, болѣе соблазнительнаго отвлеченія для всѣхъ этихъ противогражданскихъ элементовъ, какъ большой походъ на востокъ. Такое предпріятіе не только дастъ занятіе безработнымъ, удовлетворитъ жадность военныхъ, но оно также доставитъ великія выгоды остающимся дома. «Перенесемъ счастье Азіи къ себѣ», т. е. оживимъ восточными капиталами нашу промышленность, перетянемъ къ себѣ запасы Азіи, ея богатства; пусть одушевленное патріотической идеей воинство сдѣлаетъ Грецію обладательницей неисчерпаемыхъ финансовъ силъ Востока, центромъ мірового обмѣна.

Предводительство въ національной войнѣ должно принадлежать двумъ крупнѣйшимъ общинамъ, Спартѣ и Аѣинамъ, но авторъ не скрываетъ, что истиннымъ идейнымъ и дѣловымъ руководителемъ предпріятія будутъ Аѣины. Что же останется Спартѣ, и зачѣмъ она нужна? Исократъ, очевидно, предполагаетъ, что между двумя общинами будетъ тѣсный союзъ съ отчетливымъ распредѣленіемъ ролей: Спарта въ качествѣ общепризнаннаго военного штаба возьметъ на себя соединеніе солдатскихъ массъ и исполненіе стратегическихъ операцій, Аѣины же выступятъ въ качествѣ настоящей культурно-промышленной силы, образуютъ руководящій центръ, душу всего дѣла. Въ дальнѣйшей организаціи роль Аѣинъ должна будетъ возрасти еще болѣе, особенно въ виду того, что за ними великій опытъ и славныя традиціи; истиннымъ объединителемъ Греціи, конечно, могутъ быть только Аѣины.

Политика Аѣинъ послѣ Анталкидова мира. Предлагая Аѣинамъ идти объ руку со Спартой во главѣ великаго національнаго предпріятія, авторъ Панегирика, видимо, вовсе не смущался тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ крупныя общины еще недавно находились въ рѣзкой взаимной враждѣ, и что Анталкидовъ миръ, похоронившій надежды Аѣинъ на возрожденіе морской державы, оставался неотмщенной обидой. Дѣло въ томъ, что въ Аѣинахъ уже раньше подготовлялась переменна настроенія, и назрѣвало сознаніе невозможности широкой завоевательной политики въ стилѣ V вѣка. Рѣшительная неудача 387 года многимъ въ Аѣинахъ выяснила положеніе, и теперь могла выступить открыто партія, которая предлагала покинуть традиціонную политику и стремиться къ соглашенію со Спартой. Во главѣ новаго направленія стоялъ Каллистратъ, племянникъ радикальнаго демагога Агиррія, блестящій ораторъ, гибкій политикъ, сумѣвшій приспособиться къ новымъ обстоятельствамъ и перевести Аѣины на уровень второстепенной державы, сохраняющей свои торговыя позиціи и свое вліятельное положеніе среди

другихъ морскихъ общинъ. Новая партія, зерно которой состояло изъ крупныхъ торговцевъ, судовладѣльцевъ и банкировъ, испытывала немалыя трудности. Руководящіе въ экономической жизни круги желали вновь объединить приморскую Грецію, но при этомъ перенести явно непосильную для Аѳинъ военную организацію на плечи спартанцевъ; однако они ничего не могли проводить помимо демоса, у котораго имѣлись свои, очень крѣпкія традиціи, особенно въ финансовой политикѣ, въ дѣлѣ раздачъ. Капиталисты были поэтому вынуждены держаться политическаго радикализма, и Каллистратъ, въ качествѣ своего рода Перикла IV вѣка, въ теченіе двухъ съ половиной десятилѣтій находилъ возможнымъ лавировать среди крайностей и примирять интересы класса богатыхъ и класса бѣдныхъ. Другое затрудненіе вытекало изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ Аѳинъ. Новая политика могла быть построена только на взаимности со стороны Спарты, а между тѣмъ ея плутократическіе круги не чувствовали желанія уступать львиную долю аѳинскому капиталу, въ расчетѣ сохранить исключительную гегемонію въ Греціи и поорудовать собственными средствами. Склонить спартанцевъ къ коалиціи съ Аѳинами могъ бы только какой-нибудь очень серьезный ударъ въ самой Греціи, который не въ силахъ была преодолѣть Спарта. Такимъ толчкомъ оказалась ѳиванская революція 379 года.

Положеніе запуталось, однако, тѣмъ, что по ходу обстоятельствъ ѳиванскому перевороту, затѣянному демократической партіей, не могли не помочь аѳиняне, пріютившіе у себя ѳиванскихъ демократовъ. Мало того, возмущеніе ѳивъ противъ Спарты оказало аѳинянамъ большую услугу въ другомъ направленіи: къ Аѳинамъ устремились островныя общины, и, благодаря этому, возникъ въ 378—377 году новый морской союзъ подъ предводительствомъ Аѳинъ. Поддержка, оказанная ѳивамъ, поссорила Аѳины со Спартой, планы Каллистрата на сближеніе были отброшены назадъ. Въ свою очередь, однако, между новой ѳиванской демократіей и Аѳинами не могло получиться прочной дружбы. Преобразованная ѳиванская община не согласна была исполнять въ пользу Аѳинъ роль, которую аѳинскіе капиталисты собирались отдать Спартѣ. Въ лицѣ демократическихъ ѳивъ скоро поднялась держава, похожая на Аѳины 50-хъ годовъ V вѣка, т.-е. съ притязаніями какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, съ программой вмѣшательства въ дѣла всѣхъ общинъ и Ѳессаліи, и Средней Греціи, и Пелопоннеса, и въ то же время съ широкой задачей установленія господства въ Эгейскомъ морѣ. Такія ѳивы не могли ужиться съ Аѳинами. Напротивъ, для Аѳинъ союзъ со Спартой теперь являлся единственной возможностью обороны противъ неожиданно выросшаго рядомъ соперника. Цѣль пар-

тин Каллистрата, правда, осуществилась, но слишкомъ поздно для того, чтобы принести Аѳинамъ желательный успѣхъ. Въ 70-хъ и 60-хъ годахъ IV вѣка въ Греціи были три крупныя державныя общины, Спарта, Аѳины, Эивы; ни одна изъ нихъ не могла сладить съ двумя другими, соединенными вмѣстѣ; въ свою очередь онѣ не могли все ужиться мирно рядомъ и размежевать сферы своего вліянія. Ихъ столкновения составляютъ большую междоусобную войну (378—362), послѣднюю для эпохи самостоятельной городской Греціи.

Побѣда демократіи въ Эивахъ и начало второго аѳинскаго морскаго союза. Столкновения начались съ переворота въ Эивахъ, разразившагося среди полнаго затишья въ 379 году. Эиванскіе эмигранты партіи, низвергнутой въ 383 году, нашли себѣ пріютъ въ Аѳинахъ такъ же, какъ въ свое время при господствѣ Тридцати въ 404 г. аѳинскіе демократы были приняты въ Эивахъ. Отсюда небольшая ихъ группа, имѣя во главѣ Меллона и Пелопида, двинулась къ родному городу и проникла внутрь стѣнъ ночью по тайному соглашенію со своими единомышленниками; заговорщикамъ удалось перебить главныхъ вождей противной партіи, въ томъ числѣ полемарха Леонтиада, и низвергнуть «династію», которая держалась помощью спартанцевъ. Побѣдители апеллировали къ эиванскому демосу, обѣщая ему господство надъ всей Беотіей, тогда какъ олигархи обратились къ другимъ беотійскимъ городамъ, Платеямъ и Теспіямъ; но помощь послѣднихъ не успѣла подойти, а въ то же время два аѳинскихъ стратега, друзья эиванскихъ демократовъ, на свой страхъ поддержали эиванцевъ. Въ результатѣ спартанскій гарнизонъ долженъ былъ покинуть Эивы. Царь Клеомбротъ подступилъ къ Эивамъ, но, не встрѣтивъ желанія эивалцевъ биться и не имѣя средствъ на осаду, удалился назадъ въ Пелопоннесъ; только въ Теспіяхъ онъ оставилъ гармоста Сфодрія съ гарнизономъ.

Въ Аѳинахъ сначала не рѣшались нарушить дружественный спартанцамъ нейтралитетъ; больше того, стратеговъ, дѣйствовавшихъ подъ Эивами безъ уполномоченія отъ народа, осудили на смерть; одинъ изъ нихъ былъ казненъ, другой успѣлъ бѣжать. Но спартанцы сами испортили дѣло: Сфодрій попытался напасть на Аттику и захватить Пирей; аѳиняны успѣли извѣстить объ этомъ эиванцы, и настроеніе въ Аѳинахъ быстро перемѣнилось. Теперь рѣшили войти въ союзъ съ Эивами. Ко времени соглашенія съ Эивами Аѳины подготовили рядомъ частныхъ договоровъ, обходя условія Анталкидова мира, большой союзъ морскихъ общинъ; они опять надѣялись на восстановленіе державы въ духѣ попытокъ Конона и Эрасибула; партія Каллистрата могла рассчитывать на то, что новый морской союзъ мирно размежевается со Спартой.

Диверсія Сфодрія и необходимость помочь Эивамъ измѣнили пер-

воначальные планы афинянъ. Теперь они должны были придать союзу совѣмъ иной видъ—общегреческаго соединенія для защиты автономіи и свободы общинъ отъ деспотизма Спарты, слѣд., по необходимости обратиться къ условіямъ Апталкидова мира. Это значило, прежде всего, отказаться отъ всякихъ мечтаній о священномъ національномъ походѣ на востокъ въ духѣ, проповѣданномъ Исократомъ; нельзя было и думать о включеніи въ союзъ общинъ малоазійскаго берега, уступленныхъ въ свое время персидскому царю. Напротивъ, въ виду слабости союза слѣдовало заручиться нейтралитетомъ или даже поддержкой персовъ для ближайшей своей задачи; поэтому въ условіяхъ, которыя заключали между собой общины, опредѣленно выговаривались права и верховенство великаго царя надъ малоазійскими городами.

Вслѣдствіе этого территория и границы союза, образовавшагося въ 378 г., были гораздо меньше сравнительно съ прежней афинской державой. Въ немъ нѣтъ азіатскихъ общинъ на всемъ протяженіи берега отъ Босфора до края Каріи на югъ, въ немъ нѣтъ всего сѣвернаго берега Эгейскаго моря, т. е. городовъ Халкидскаго полуострова и Эракии. Въ союзъ вошли даже не всѣ острова Эгейскаго моря. Главные его участники—Родосъ, Хиосъ, города Лесбоса, города Эвбеи, затѣмъ Византія и Перинѣ у проѣзда къ Черному морю. Скоро присоединились по другую сторону европейской Греціи Коркира и Закинѣ. Новый союзъ не представляетъ сплошной замкнутой группы владѣній, какъ это было въ державѣ V вѣка. Если, однако, всмотрѣться внимательно въ карту, то можно замѣтить, что союзныя общины расположены цѣпями, которыя образуютъ линіи главныхъ морскихъ и торговыхъ сношеній, и притомъ въ трехъ направленіяхъ, соотвѣтствующихъ тремъ выходамъ изъ Эгейскаго моря: на сѣверъ—къ Черному морю, на югъ—къ Кипру, Сирии и Египту и на западъ—къ Италіи и Сициліи. Въ этомъ смыслѣ союзъ IV вѣка все-таки копія перваго могущественнаго союза, копія, если такъ можно выразиться, не всего тѣла, а лишь его скелета.

Конституція второго морскаго союза. Въ 378 году въ Афинахъ собрался конгрессъ делегатовъ отъ общинъ, желавшихъ вступить въ союзъ, *κοινὸν συνέδριον τῶν συμμάχων*. Объ основныхъ учрежденіяхъ союза мы узнаемъ изъ замѣчательной надписи³, передающей постановленіе афинской экклесіи, согласно предложенію Аристотеля изъ Маратона: съ большой вѣроятностью можно принять, что народное собраніе утвердило въ данномъ случаѣ резолюцію конгресса. Псефизма афинскаго народа открываетъ доступъ въ союзъ всѣмъ желающимъ, грекамъ и варварамъ, кромѣ подданныхъ царя. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ ограниченій, которыя принимаютъ на себя афиняне въ виду недоволь-

ства, вызваннаго ихъ политикой въ первомъ союзѣ. Они отказываются отъ вмѣшательства въ дѣла внутренняго устройства общинъ, отъ навязыванія имъ аѳинскихъ гарнизоновъ и чиновниковъ, отъ захвата земель и всякаго вида владѣній, какъ со стороны государства, такъ и со стороны частныхъ лицъ, и отъ помѣщенія клеруковъ на союзной территоріи; не будетъ вѣдаться и односторонняя подать въ распоряженіе Аѳинъ, называвшаяся *φόρος*; устраняется самое слово, ставшее ненавистнымъ, и вводится (опредѣляемые синедріономъ) *συντάξεις*, взносы въ союзную казну.

Изъ послѣдующей практики видно, что союзъ выработалъ своеобразную конституцію. Онъ состоялъ изъ двухъ равносильныхъ корпорацій, которыя постоянно раздѣльно упоминаются: Аѳины и всѣ остальные союзники. Союзныя общины посылаютъ делегатовъ на конгрессъ, заседающій въ Аѳинахъ; число представителей отъ каждой общины безразлично, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ лишь по одному голосу. Аѳиняне не участвуютъ въ этомъ представительномъ собраніи. Синедріонъ является, строго говоря, органомъ совѣщательнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ стоялъ наравнѣ съ аѳинскимъ совѣтомъ Пятисотъ, который подготавливалъ дѣла и выработывалъ проекты для народнаго собранія. Обыкновенно, синедріонъ предлагалъ свою резолюцію, *δόγμα*, аѳинскому совѣту. Если совѣтъ былъ согласенъ съ синедріономъ, то вводилъ его рѣшеніе въ свое *προβούλευμα*, т.-е. проектъ, представляемый народному собранію. Если былъ несогласенъ, то вносили два предложенія раздѣльно, свое *προβούλευμα* и *δόγμα* союзниковъ. Аѳинскій совѣтъ могъ также предоставить синедріону непосредственно войти со своимъ *δόγμα* въ народное собраніе. Во всякомъ случаѣ, верховной рѣшающей инстанціей выступала аѳинская экклесія. Въ этомъ пунктѣ особенно рѣзко сказывались односторонность строенія союза и переѣвъ Аѳинъ: народныя собранія союзныхъ общинъ ни въ совокупности, ни отдѣльно не вводились вовсе въ союзныя дѣла.

Въ качествѣ совѣщательнаго органа, мнѣніе котораго служило основой рѣшеній союза, синедріонъ имѣлъ широкую компетенцію. Онъ рассматривалъ вопросы войны и мира, заключалъ договоры, принималъ участіе въ допущеніи новыхъ членовъ союза, вводилъ представителей своихъ въ посольства, рѣшалъ размѣры взносовъ на военныя издержки и, наконецъ, составлялъ судъ по дѣламъ о нарушеніи правъ союзниковъ. Статьи, касающіяся суда, весьма обстоятельны. Въ случаѣ, если аѳиняне позволятъ себѣ захватъ земельного владѣнія или какого-либо вида имущества въ союзной общинѣ, приносится жалоба въ синедріонъ; на незаконно пріобрѣтенное владѣніе налагается арестъ, и оно присуждается наполовину жалобщику, наполовину въ пользу союзниковъ.

Конституція союза, принятая при заключеніи договора, считается неприкосновенной и ограждается параграфомъ уголовного содержанія: лицо, которое предложитъ измѣненіе въ союзномъ устройствѣ или доведетъ подобное предложеніе до голосованія, судится въ качествѣ нарушителя союза и измѣнника; его судятъ аѳиняне и союзники и могутъ наказать смертью или изгнаніемъ, лишеніемъ правъ и конфискаціей имущества.

Постановленія, принятые при учрежденіи союза въ 378—377 гг., открываютъ намъ нѣкоторыя стороны греческаго *федеральнаго права*. Само это право сложилось подъ давленіемъ нужды, созданной Анталкидовымъ миромъ, который гарантировалъ свободу и автономію всѣмъ греческимъ общинамъ, малымъ и большимъ. Конгрессъ 378 г. требовалъ включенія въ конституцію формулы, въ свое время составлявшей основу договора 387 г.: «для поддержанія свободы и автономіи и во исполненіе присяги, заключенной между царемъ, Спартой, Аѳинами и другими греками». Безъ этого условія слабыя общины не рѣшались вступать въ союзъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ понятіе равноправности всѣхъ членовъ союза, независимо отъ размѣра общинъ. Оно выражается въ томъ, что на конгрессѣ всѣ общины имѣютъ по одному голосу (*ισοψηφία*). Собственно, здѣсь примѣненъ старый принципъ, существовавшій еще въ Пелопоннескомъ союзѣ и въ свое время осужденный, отъ имени аѳинскихъ централистовъ, Фукидидомъ за непрактичность. Въ союзѣ 378 года принципъ равнаго представительства всѣхъ членовъ былъ проведенъ; повидимому, еще болѣе послѣдовательно, чѣмъ раньше у пелопоннесцевъ: онъ былъ распространенъ на международныя отношенія и на участія въ посольствахъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, мы получаемъ, сравнивая образъ дѣйствій двухъ союзовъ, стараго пелопоннескаго и новаго аѳинскаго, на конгрессѣ въ Спартѣ въ 371 году; спартанцы присягнули и подписались подъ текстомъ договора за себя и за своихъ союзниковъ, между тѣмъ какъ аѳиняне и ихъ союзники присягали и подписывались отдѣльно, и притомъ союзники не выступали одной цѣльной группой, а слѣдовали своими подписями поименно.

Двумя новыми пунктами въ федеральной конституціи можно считать условія относительно неприкосновенности территоріи и имущества общинъ, входящихъ въ составъ союза, а также признаніе полной самостоятельности каждой общины въ устроеніи своихъ внутреннихъ дѣлъ (*πολιτευσόμενοι πολιτείας ἑν ἑν βούληται*). Впрочемъ, новыми ихъ придется считать лишь въ формальномъ смыслѣ, поскольку учредители нашли нужнымъ закрѣпить ихъ въ текстѣ основнаго договора; эти условія конечно, всегда входили въ понятіе автономіи, но въ V вѣкѣ въ эпоху аѳинской державы ихъ было бы бесполезно формулировать въ виду

властнаго положенія Аѳинъ, гдѣ подь конецъ не стѣснялись называть ἀρχὴ̄ тиранническимъ господствомъ. Теперь изъ осторожности и во вниманіе къ гарантіямъ, установленнымъ Анталкидовымъ миромъ, аѳиняне сами должны были поспѣшить съ завѣреніями, что они готовы безусловно уважать свободу и автономію союзниковъ.

Что касается финансоваго устройства союза, здѣсь опредѣленно выставленъ принципъ самообложенія. Опять подь впечатлѣніемъ тяжелаго опыта державы V вѣка постарались ввести въ федеральную конституцію статьи отрицательнаго свойства: не должно быть односторонняго назначенія взносовъ властью сильнѣйшей общины; налоги въ пользу союза образуютъ товарищескіе взносы (συντάξις). Но для насъ остается неяснымъ, какимъ способомъ устанавливался размѣръ налога съ каждой общины, принадлежала ли какая-нибудь принудительная власть конгрессу, существовала ли какая-либо распредѣлительная финансовая коммисія и т. п. Можетъ быть, согласно принципу автономіи, каждая община устанавливала у себя самостоятельно военный налогъ и затѣмъ сообщала конгрессу о размѣрѣ предполагаемаго взноса, или своей συντάξις. Во всякомъ случаѣ, финансы союза составлялись не изъ отчисленія извѣстной доли обычныхъ доходовъ общины, а именно изъ сбора чрезвычайнаго налога; такъ приходится заключать изъ того факта, что въ Аѳинахъ одновременно съ устройствомъ союза былъ введенъ прямой налогъ, εἰσφορά, который вообще допускался лишь въ случаяхъ экстренной необходимости.

Очень важенъ и весьма любопытенъ пунктъ, касающійся ненарушимости федеральной конституціи. «Негибкость» разъ введеннаго устройства есть вообще характерная черта федерацій всѣхъ временъ, и это вполне естественно. Въ союзной конституціи, выработанной въ 378—377 гг., данный принципъ выраженъ въ крайне рѣзкой формѣ: за одно предложеніе измѣнить союзное устройство грозитъ уголовное преслѣдованіе, при чемъ конгрессъ превращается въ верховный федеральный судъ. Конституція не предусматриваетъ законныхъ формъ, при соблюденіи которыхъ она сама могла бы быть измѣнена.

Не вполне яснымъ представляется вопросъ о томъ, въ правѣ ли отдѣльные члены союза выходить изъ его состава. Но статья о неприкосновенности союзнаго устройства позволяетъ сдѣлать объ этомъ косвенное заключеніе. Въдѣ принадлежность такихъ-то и такихъ-то общинъ къ союзу есть важнѣйшая составная часть конституціи; если былъ положенъ рѣзкій предѣлъ всякой попыткѣ измѣнить союзное устройство, то едва ли могли признавать допустимость выхода изъ союза кого-либо изъ членовъ, присягнувшихъ на вѣрность общему дѣлу.

Въ федеральномъ устройствѣ 378 года есть одинъ пунктъ, который

долженъ показаться нашему современному сознанию грубымъ дефектомъ: таковъ порядокъ утвержденія проектовъ и резолюцій союзнаго конгресса, порядокъ, при которомъ выступала лишь афинская эkkлeсiя, но не было обращенія къ народнымъ собраніямъ союзныхъ общинъ. Въ качествѣ нѣкотораго оправданія можно было бы привести фактъ крайней пестроты политическаго устройства въ разныхъ общинахъ союза: въ иныхъ не было вовсе народныхъ собраній; можно думать, что нерѣдко въ качествѣ делегатовъ на конгрессѣ сидѣли члены правительственныхъ комиссій данныхъ общинъ. Но, разумѣется, это очень слабое оправданіе; суть въ томъ, что ратификація постановленій конгресса союзными общинами считалась ненужной. Мы имѣемъ дѣло съ явнымъ нарушеніемъ федеративнаго принципа, которое составляло уступку старой властной державной афинской демократіи, такъ же, какъ приравненіе Афинъ совокупности остальныхъ союзниковъ, такъ же, какъ созывъ конгресса въ Афинахъ въ непосредственной близости эkkлeсiи, верховнаго органа афинскаго демоса.

Афины и Эвфы въ войнѣ со Спартой. Несмотря на образованіе союза со включеніемъ въ него Эвфъ, Афины первое время держались въ сторонѣ отъ военныхъ столкновеній. Агесилай вторгся въ Беотію и выбралъ въ качествѣ опорнаго пункта Теспю, сѣмый крупный послѣ Эвфъ городъ Беотіи, находившійся во враждѣ съ Эвфами. Изъ Теспій спартанцы блокировали Эвфы и старались загородить подвозъ хлѣба, который былъ необходимъ, такъ какъ эвфянцы не могли обрабатывать свои поля. Съ другой стороны, и эвфянцы, сознавая свою неподготовленность, не рѣшались выступить въ открытомъ полѣ, а загородились валомъ и рвами отъ непріятеля. Такъ тянулось дѣло около двухъ лѣтъ. Союзники Спарты предложили искать выхода въ морскихъ операціяхъ, чтобы обезоружить Афины, главную опору эвфанцевъ. Спартанцы выслали эскадру, которая задержала корабли съ хлѣбомъ, направлявшіеся изъ Понта къ Пирею; въ отвѣтъ на это афиняне снарядили флотъ подъ командой Хабріа. У острова Накоса въ 375 г. произошла весьма крупная битва, въ которой Хабріи одержалъ блестящую побѣду—первый успѣхъ афинянъ на морѣ послѣ большой Пелопоннесской войны. Векорѣ послѣ этого другой афинскій командиръ Тимофей, сынъ Конона, доплылъ во главѣ новой эскадры въ западныя воды и склонилъ къ вступленію въ союзъ Коркиру. Афиняне сообразовались въ данномъ случаѣ съ требованіемъ федеральной конституціи о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла общины, принимаемой въ союзъ; Коркира сохранила свое олигархическое устройство. Казалось, опять для Афинъ возвращалась возможность установленія торговыхъ связей съ западно-греческимъ міромъ.

Между тѣмъ въ Беотіи происходили событія, создавшія крайне невыгодное положеніе для Аѳинъ. Пользуясь отвлеченіемъ пелопоннесскихъ силъ отъ Средней Греціи, еиванцы приступили къ насильственному объединенію Беотіи; они двинулись на Теспіи и другіе города, гдѣ спартанцами были установлены «династіи», разрушили во второй разъ Платей; бѣднота изъ этихъ городовъ устремилась въ Эивы⁴; надо думать, что для пролетаріевъ нашлась работа особенно по возведенію новыхъ укрѣпленій; возможно, что Эивы въ это время рѣшили по образцу Аѳинъ и Сиракузъ окружить себя обширной фортификаціонной линіей. Достигнутый усиленіемъ простонароднаго состава общины, новый еиванскій синойкизмъ повелъ къ преобразованію Эивъ въ демократію, впервые за всю исторію этого города. По своимъ послѣдствіямъ это была перемѣна очень важная. Руководители еиванской политики должны были сдѣлаться демагогами, обезпечить народу раздачу, заняться вопросомъ о снабженіи выросшаго городского центра продовольствіемъ, т.-е. о приобрѣтеніи выхода къ морю и созданіи флота. Такимъ образомъ объединенная Беотія съ Эивами во главѣ стремится сдѣлаться также морской державой, сравняться въ этомъ отношеніи съ Аѳинами; впрочемъ, морская политика Эивъ не была внезапнымъ внушеніемъ новой демократіи: какъ мы видѣли, надъ созданіемъ морского союза, въ которомъ Эивы должны были объединиться съ Родосомъ и другими островами малоазійскаго побережья, работала уже Именій въ 90-хъ годахъ того же вѣка.

Аѳины со страхомъ видѣли это усиленіе Эивъ. Официально ихъ союзникъ съ 378 года, Эивы ничѣмъ не помогли Аѳинамъ во время трудной морской борьбы противъ Спарты, которая къ тому же стоила аѳинянамъ большихъ финансовыхъ жертвъ; еиванцы принимались за расширеніе Беотіи, принуждая подчиниться своихъ сосѣдей, фокидянъ; они грозили основать въ Средней Греціи общину болѣе крупную, чѣмъ Аттика, и обзавестись для себя портомъ у Эгейскаго моря; наконецъ, въ Аѳины обращались со слезными мольбами эмигранты изъ Платей и Теспій, лишенныхъ автономіи и разгромленныхъ еиванцами. Все это были основанія для Аѳинъ поспѣшить съ заключеніемъ мира, а особенно постараться о сближеніи со Спартой, чтобы найти противовѣсъ возрастающей силѣ Эивъ.

Крушеніе общегреческаго мирнаго конгресса. Въ 371 году въ Спартѣ собрались делегаты отъ всѣхъ воюющихъ общинъ для веденія переговоровъ о мирѣ. Послы явились съ большими полномочіями, что дало имъ возможность составить настоящій мирный конгрессъ. На сѣздѣ были представлены посторонніе: тираннъ Сиракузъ, царь македонскій, вессалійскій тагосъ и великій царь. Въ числѣ аѳинскихъ пред-

ставителей былъ Каллистратъ, давнишній сторонникъ сближенія со Спартой. Ксенофонтъ приводитъ его рѣчь, будто бы публично сказанную въ большомъ собраніи въ Спартѣ; Каллистратъ предлагалъ официально возвѣстить автономію, а въ дѣйствительности подѣлить между Аѳинами и Спартой сферы вліянія въ Греціи; одна будетъ господствовать на морѣ и надъ островными общинами, другая—на сушѣ, вмѣстѣ же онѣ составятъ неодолимую силу⁵. Конечно, такія вещи не говорятся открыто; но въ тайныхъ переговорахъ несомнѣнно нѣчто подобное предлагали аѳинскіе политики. У нихъ былъ также рядъ специальныхъ желаній: добиться признанія за Аѳинами Амфиполя и Херсонеса у Геллеспонта.

Въ текстѣ предложеннаго конгрессу мирнаго договора, разумѣется, говорилось объ иныхъ вещахъ. Объявлялась со ссылкой на царскій миръ автономія всѣхъ греческихъ общинъ. Спартанцы обязались удалить своихъ гармостовъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они еще находились, а также вывести гарнизоны и сторожевыя эскадры. Въ случаѣ нарушения кѣмъ-либо автономіи предоставлялось желающимъ выступить на помощь обиженной сторонѣ, хотя такое выступленіе и не было признано обязательнымъ. Последнее условіе означало, что Спарта отказывается отъ права принуждать своихъ союзниковъ къ походамъ съ цѣлью экзекуцій. Съ другой стороны, косвенно и молчаливо признавалась законность морского союза аѳинскаго, поскольку онъ сохранилъ начала автономіи. Напротивъ, объединеніе Беотіи Эивами было также молчаливо признано незаконнымъ въ виду того, что политика эиванцевъ нарушала торжественно и много разъ провозглашенную автономію. Эиванцы, конечно, должны были понимать, что мирный трактатъ направленъ противъ нихъ и клонится къ уничтоженію введенной ими централизаціи въ Беотіи. Но на конгрессѣ ихъ делегаты, среди которыхъ находился будущій побѣдитель Спарты, Эпаминондъ, не рѣшились прямо протестовать противъ принятой всѣми формулировки мирныхъ условій и подписались подъ ними: *эиванцы*. Они попробовали затѣмъ исправить юридическое положеніе свое, явились на другой день и просили измѣнить свою подпись въ *беотійцевъ*. Это значило: Эивы уже поглотили другіе беотійскіе города, и въ Беотіи только одна великая автономная община, отъ которой они—единственные представители. Но Агесилай заявилъ имъ, что не согласится на такое измѣненіе, разъ протоколъ составленъ и подписанъ; если они не хотятъ быть включенными въ договоръ, ихъ имя будетъ вычеркнуто. Всѣ остальные присоединились къ его словамъ, и даже аѳиняне остались въ убѣжденіи, что съ эиванцевъ возмуть обычный штрафъ уплаты десятины на Дельфійскій храмъ за измѣну общему дѣлу. Во всякомъ случаѣ работа конгресса пропала даромъ, и замиреніе не состоялось.

Объединение сѣверной окраины Греціи. Въ разсказъ о переговорахъ, предшествовавшихъ конгрессу, Ксенофонтъ вставляетъ одинъ эпизодъ, какъ будто не имѣющій прямой связи съ передаваемыми событіями, но, по мысли автора, явно заключающій въ себѣ политическую мораль къ этимъ событіямъ ⁶.

Историкъ начинаетъ говорить нѣсколько неожиданно о предстоящемъ объединеніи Фессаліи подѣ властью Ясона изъ города Феръ. Этотъ Ясонъ, удачливый командиръ большого наемнаго войска, подчинилъ себѣ цѣлый рядъ фессалійскихъ городовъ. Дѣло идетъ теперь о включеніи въ сферу его вліянія крупнѣйшаго города области, Фарсала, и тогда Ясонъ добьется признанія его диктаторомъ (ταγός) всей Фессаліи. Ясонъ предпочитаетъ излишней войнѣ мирное соглашеніе и вступаетъ въ переговоры съ Полидамомъ, своего рода тиранномъ Фарсала, который держитъ въ своихъ рукахъ цитадель города и арендуетъ всѣ налоги и полученія общины, распоряжаясь неограниченно ея финансами. Ясонъ развиваетъ передъ Полидамомъ тотъ взглядъ, что объединеніе Фессаліи подѣ монархической властью превратитъ ее въ сильнѣйшую державу Греціи. Объединенная Фессалія немедленно заставитъ себѣ подчиниться окружающіе племена и народы. Всѣ греки будутъ искать ея дружбы; съ Беотіей она уже въ союзѣ, добиваться ея расположенія начнутъ и Спарта, и Аѣины. Ресурсы Фессаліи неисчерпаемы; это обширная, плодородная и богатая страна. Затѣмъ устами Ясона продолжаетъ говорить аѣинянинъ Ксенофонтъ, который съ грустью думаетъ о слабости своей родины. «Разъ мы (фессалійцы) будемъ господствовать надъ Македоніей, откуда Аѣины получаютъ корабельный лѣсъ, мы выстроимъ несравненно больше кораблей, чѣмъ эта община. Экипажъ для своего флота мы тоже гораздо скорѣе наберемъ, такъ какъ у насъ масса трудолюбивыхъ крѣпостныхъ (πενέστα). А ужъ прокормить моряковъ намъ несравненно легче въ нашей плодородной землѣ, откуда приходится вывозить излишекъ, чѣмъ аѣинянамъ, у которыхъ зерна вовсе нѣтъ, такъ что приходится покупать хлѣбъ. У насъ гораздо обильнѣе финансы (χρήματα), потому что мы не зависимъ отъ полученій съ маленькихъ острововъ, а можемъ брать съ племенъ, живущихъ на материкѣ, и какъ только объединится Фессалія подѣ властью тагоса, все кругомъ понесетъ ей свою дань». Совершенно неожиданно монологъ поворачивается на тему, для грека представляющую особенно горячій интересъ. «Ты вѣдь знаешь,—обращается Ясонъ къ Полидаму,—что великій царь богаче всѣхъ на свѣтѣ, именно благодаря своимъ доходамъ съ материковыхъ народовъ, ему не нужны эти островки; такъ вотъ слушай: завоевать его владѣнія мнѣ станетъ еще легче, чѣмъ покорить Грецію. Вѣдь тамошніе люди всѣ, кромѣ одного, при-

выкли пресмыкаться, и достаточно было небольших силъ у Кира и у Агесилая, чтобы привести въ трепеть царя». Полидамъ идетъ на соглашеніе съ Ясономъ, и послѣдняго выбираютъ тагосомъ всей Фессалии. Диктаторъ производитъ тотчасъ же наборъ военныхъ отрядовъ по городамъ, и получается внушительная сила въ 8.000 кавалеристовъ и 20.000 тяжело вооруженной пѣхоты, не говоря о большомъ количествѣ пелтастовъ.

Мораль разсказа Ксенофонтова очень понятна. Онъ хочетъ сказать: «вы, греки, упустили моментъ ринуться на востокъ, вы продолжаете свои усобицы, раздробляете свои силы, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ сложилось единое большое государство, которое способно подчинить всю Грецію и использовать исключительно для себя выгоды похода на персидскую державу».

Побѣда Фивъ надъ Спартой и ея послѣдствія. Политика Фивъ въ Беотіи была рѣзкимъ нарушеніемъ основнаго условія Анталкидова мира, еще разъ подтвержденнаго конгрессомъ въ Спартѣ. Можно пожалуй вообще сказать, что еиванскій унитаризмъ, очень запоздавшій сравнительно съ аѣнскимъ и спартанскимъ, несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ объединеніе Халкидики Олинеомъ, разрушалъ возможность федеративныхъ формъ въ Греціи. Спарта рѣшила положить конецъ еиванской державности, не изъ сочувствія, конечно, къ автономіи, а больше по традиціи, чтобы не потерять свой престижъ. Лишенная, однако, драгоцѣнныхъ субсидій съ Востока, Спарта не могла снарядить большого войска; Агесилай остался въ Пелопоннесѣ, а противъ еиванцевъ поручили дѣйствовать другому царю, Клеомброту, уже стоявшему въ среднегреческой области Фокидѣ съ небольшими сравнительно силами. Въ Спартѣ были голоса, предостерегавшіе отъ такого рискованнаго шага; было мнѣніе, что сначала слѣдуетъ собрать взносы союзниковъ и образовать кассу въ Дельфійскомъ храмѣ; на эти средства только можно вести настоящую войну съ еиванцами. Однако спартанцы понадѣялись на себя и слишкомъ низко оцѣнили противника; Клеомбротъ получилъ приказаніе сразиться съ еиванцами.

Битва при Левктрѣ въ 371 г. не только обнаружила извѣстные уже раньше боевыя качества еиванцевъ, но также показала новые большіе успѣхи, сдѣланные ими въ военномъ дѣлѣ. Составъ ихъ войска былъ старый, ополченскій, а не наемническій; но главнокомандующій Эпаминондъ сумѣлъ придать гражданской арміи, обыкновенно неуклюжей и не очень послушной, подвижность и дисциплинированность, которыя до тѣхъ поръ наблюдались только у наемниковъ. Кромѣ того, еиванцы проявили какой-то особенный воинственный жаръ: иначе трудно понять, откуда взялась «священная дружина» (*ιερός λόχος*), органи-

зованная другомъ Эпаминонда и однимъ изъ заговорщиковъ 379 г., Пелопидомъ. Фиванская тяжело вооруженная пѣхота вообще нападала густымъ строемъ, при Делии она состояла изъ 25 рядовъ. Эпаминондъ построилъ колонну еще глубже, въ 50 рядовъ, и пробилъ при нападѣнн, точно клиномъ, спартанскій флангъ. Царь Клеомбротъ палъ въ битвѣ, съ нимъ вмѣстѣ 400 спартиатовъ изъ 700. Спартанцы просили о перемиріи для погребенія павшихъ и этимъ признали себя побѣжденными; но они удержали за собой лагерь, и фиванцы не рѣшились на него напасть. Далѣе, при посредничествѣ Ясона, вессалійскаго тагоса, была заключена капитуляція, и спартанское войско получило свободный пропускъ домой. Побѣда фиванцевъ была вовсе не такой блестящей, и на первыхъ порахъ ничего не измѣнила въ общемъ положеніи вещей. Но моральное впечатлѣніе, произведенное ею въ Греціи, было громадно; слава непобѣдимости Спарты на сушѣ была навсегда разрушена, побѣдители, фиванцы, неожиданно выступили первыми воителями Греціи. Аѣиняне были весьма недовольны успѣхами фиванцевъ; когда прибыли въ Аѣины фиванскіе послы съ извѣщеніемъ о побѣдѣ и въ ожиданіи поздравленій, аѣинскій совѣтъ не только не пригласилъ ихъ на общественный обѣдъ, но и вообще не удостоилъ отвѣта. Аѣины попытались еще разъ созвать конгрессъ для заключенія мира и пригласили делегатовъ къ себѣ; этотъ призывъ къ миру не имѣлъ никакого результата. Споръ между Фивами и Спартой разгорался все больше; всѣ недовольные или обиженные Спартой поднялись открыто и обратились за поддержкой къ фиванцамъ.

Изъ Пелопоннеса ихъ позвали аркадяне. Подъ начальствомъ Эпаминонда собралось большое войско съ участіемъ среднегреческихъ племенъ, жившихъ кругомъ Беотіи; подошли ополченія съ о. Эвбеи, которая въ данномъ случаѣ отдѣлилась отъ аѣинскаго союза и дѣйствовала самовольно. Произошло нѣчто неслыханное: Эпаминондъ прошелъ черезъ Истмъ и, присоединивъ отряды аркадянъ и аргивянъ, проникъ въ долину Эвроты; они собирались разгромить самое Спарту (369 г.). Такого нападенія на свою цитадель спартанцы не испытали за все время своей исторіи. Ксенофонтъ передаетъ любопытную бытовую подробность о спартанкахъ, рисующую ихъ чувствительность и привередливость: никогда не видѣвшія врага, спартанскія женщины не могли переносить дыма вражескихъ костровъ. Спартѣ пришлось прибѣгнуть къ рискованному средству и призвать къ оружію гелотовъ. Но господа испугались, увидавъ большой корпусъ вооруженныхъ своихъ крѣпостныхъ; они успокоились лишь, когда подошли подкрѣпленія союзниковъ въ количествѣ, превышавшемъ отрядъ гелотовъ. Агесилай съ трудомъ отбилъ нападеніе фиванцевъ. Изъ всего пелопоннескаго со-

юза вѣрными Спартѣ остались лишь общины сѣверной полосы полуострова: Ахайя, Фліунтъ, Сикіонъ, Коринѣ. Отпали Элида и вся Аркадія; но особенно тяжелымъ ударомъ для Спарты была утрата ея лучшей зависимой провинціи, Мессеніи. Эпаминондъ объявилъ свободу мессенскихъ крѣпостныхъ, призвалъ мессенскихъ эмигрантовъ, жившихъ колоніями въ Навпактѣ и на о. Кефалленіи, и принялся строить новый укрѣпленный городъ Мессену, въ горной мѣстности, возлѣ Иоомы, въ свое время прославленной геройской защитой мессенскихъ возстанцевъ.

Аркадія, страна мелкихъ деревенскихъ кантоновъ, благодаря своей раздробленности такъ долго служившая Спартѣ сырымъ матеріаломъ для ополченій, попыталась теперь объединиться. Въ консолидаціи Аркадіи виденъ не только чужой примѣръ, но и посторонняя рука, именно воздѣйствіе еиванцевъ, которые сами недавно объединились въ качествѣ централистической демократіи. Рѣшено было устроить большой принудительный синоикизмъ на демократической основѣ: 39 общинъ утрачивали самостоятельность въ пользу одной центральной. Но такъ какъ не хотѣли создавать центръ въ одной изъ старыхъ аркадскихъ общинъ, то устроили искусственное средоточіе. Изъ стратегическихъ соображеній былъ избранъ юго-западный уголъ Аркадіи, вблизи освобожденной Мессеніи, и здѣсь заложенъ новый крупный городъ съ отвлеченнымъ именемъ Мегалополя («великой общины»). Въ немъ должна была засѣдать правительственная коллегія *δαιμόφροι*, и сходиться большое общеаркадское народное собраніе *μύριοι*, т. е. десяти тысячъ. Аркадское объединеніе рѣшили закрѣпить въ яркомъ символѣ: въ серединѣ города стали строить огромную крытую залу для экклесіи, такъ наз. *Θερσίλειονъ*. Предполагалось организовать взносы съ общинъ, вошедшихъ въ общеаркадскій союзъ, и на средства союзной кассы содержать ополченіе, чтобы не отдавать болѣе на сторону людей въ качествѣ наемниковъ.

Принудительные синоикизмы Беотіи и Аркадіи въ малыхъ размѣрахъ напоминаютъ то, что произошло въ Сициліи: Оивы и Мегалополи въ видѣ внезапно раздувшихся центровъ похожи на Сиракузы. Можно замѣтить въ нихъ дѣйствіе одинаковыхъ социальныхъ перемѣнъ. Велѣдствіе непрерывныхъ войнъ въ деревняхъ становится небезопасно; доходы землевладѣльцевъ разстраиваются. Масса сельскихъ жителей хочетъ загородиться въ крѣпости и переселяется за городскія стѣны. Перебраться, впрочемъ, могутъ не всѣ, создается привилегированное положеніе тѣхъ, кто укрылся, и въ свою очередь недовольство тѣхъ, кто вынужденъ остаться на мѣстѣ. Далѣе, передвиженіе влечетъ за собой административныя и политическія перемѣны, которыя далеко не всякая

община может осилить. Особенно труденъ вопросъ продовольствованія новаго состава городскихъ жителей, среди которыхъ оказывается много безработныхъ. Выходъ къ морю и подвозъ припасовъ издалека при этихъ условіяхъ необходимъ; отсюда попытки морской политики у Эивъ и неизбежная неудача объединенія Аркадіи, такъ какъ область эта не имѣла доступа къ морю.

Опасность полного разгрома Спарты повлекла за собой окончательную перемѣну аѣинской политики. Партія Каллистрата добилась теперь отправки военной помощи спартанцамъ подъ начальствомъ лучшаго командира Аѣинъ, Ификрата. Подъ давленіемъ аѣинянъ Эпаминондъ долженъ былъ отступить въ Беотію. Но Истмъ остался въ рукахъ ѳиванцевъ, и ничто не помѣшало Эпаминонду пройти на другой годъ опять въ Пелопоннесъ. При этомъ положеніе Аттики стало чуть ли не хуже, чѣмъ бывало во времена силы пелопоннесскаго союза, когда спартанцы могли безпрепятственно пройти черезъ перешеекъ и задѣть аѣинскую территорію; теперь ѳиванцы, пользуясь той же дорогой въ обратномъ направленіи, доставляли аѣинянамъ еще больше безпокойства, такъ какъ Эивы были совсѣмъ близко отъ Аѣинъ.

Одновременно съ пелопоннесской политикой ѳиванцы пробовали расширить свое вліяніе на сѣверъ. Когда опасный для Греціи объединитель, Ясонъ изъ Феръ, былъ убитъ, ѳиванцы отправили Пелопида на помощь ѳессалійской аристократіи, враждебной тиранну и его послѣдникамъ. Пелопидъ пытался также распространить вліяніе Эивъ изъ ѳессалии въ Македонію. Судя по далеко раскинутымъ порученіямъ, исполнявшимся ѳиванскими стратегами и дипломатами, возникшая въ 379 году демократія проявила большую энергію и дѣятельность. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о внутренней жизни Эивъ за этотъ періодъ, кромѣ нѣсколькихъ анекдотовъ, помѣщенныхъ въ біографіи Пелопида, составленной Плутархомъ. Здѣсь упоминается въ качествѣ соперника Пелопида и Эпаминонда демагогъ Менеклидъ, одинъ изъ заговорщиковъ, совершившихъ вмѣстѣ съ Пелопидомъ переворотъ 379 года. Такъ какъ біографія Пелопида носитъ характеръ узкаго мѣстно-патріотическаго прославленія военнаго героя (Плутархъ—уроженецъ беотійской Херонеи), то она изображаетъ Менеклида развращенной, мелкозавистливой натурой, хотя даже по этому пристрастному изображенію видно, что демагогъ былъ очень даровитымъ человѣкомъ и между прочимъ великолѣпнымъ ораторомъ. Мы узнаемъ только, что послѣ пелопоннесскаго похода 369 г. Менеклидъ призвалъ къ отвѣту Пелопида и Эпаминонда за то, что они незаконно продолжили свое командованіе на 4 мѣсяца, не получивъ уполномоченія отъ народа. Обои командирамъ безъ труда удалось оправдаться, и даже потомъ Пе-

лопидъ въ свою очередь притянулъ на судъ Менеклида и добился осужденія его на тяжелый штрафъ ⁸. Очевидно, въ Эивахъ образовалась та же противоположность стратеговъ и демагоговъ, какая была въ Аѣинахъ эпохи Пелопоннесской войны; при отсутствіи демократической практики и строго-конституціонныхъ традицій военные люди, импонируя толпѣ, легко брали верхъ.

Конгрессы грековъ въ Дельфахъ и при персидскомъ дворѣ. Всѣ общины Греціи были затянута въ междоусобія, но рѣшительнаго перевѣса не имѣла ни одна изъ двухъ большихъ спорившихъ группъ. Положеніе нѣсколько напоминало моментъ 387 г. передъ заключеніемъ Анталкидова мира, и опять для великаго царя открылась возможность вмѣшательства въ споры грековъ. Въ качествѣ дипломатическаго представителя персидскихъ интересовъ въ Грецію явился нѣкто Филискъ, уроженецъ Абидоса у Геллеспонта, получившій отъ сатрапа Ариобарзана порядочную сумму денегъ. Агентъ персидскаго правительства пригласилъ грековъ собраться на конгрессъ въ Дельфы; сюда явились эиванцы, спартанцы и члены аѣинскаго союза. Делегаты, какъ говоритъ Ксенофонтъ, вовсе не стали спрашивать бога о способахъ замиренія Греціи, а начали совѣтоваться между собою. Филискъ отъ имени царя потребовалъ, чтобы Мессенія была возвращена Спартѣ, но эиванцы не согласились, и конгрессъ разстроился; Филискъ могъ исполнить только часть своего порученія—нанять на персидскую субсидію вспомогательный отрядъ для Спарты.

Ободренные сочувствіемъ великаго царя, спартанцы отправили къ нему въ Сузу посольство, надѣясь получить еще болѣе реальную помощь. Тогда эиванцы рѣшили обратиться къ той же инстанціи и послали ко двору Артаксеркса Пелопида. Слѣдомъ за нимъ туда же поѣхали делегаты отъ Аѣинъ, Аркадіи и Элиды. Въ Сузѣ собрался настоящій конгрессъ грековъ, ожидавшій властнаго рѣшенія отъ царя. Теперь уже представители республиканскихъ общинъ не стѣснялись ухаживать за царемъ, принимать его подарки, выпрашивать его милостивое слово по поводу своихъ чисто-греческихъ мѣстныхъ дѣлъ. Пелопидъ усиленно выхвалялъ традиціонныя отношенія Эивъ къ персамъ, ихъ всегдашнюю взаимную дружбу и вѣрность эиванцевъ царю; изъ двухъ аѣинскихъ пословъ одинъ, Тимагоръ, поддакивалъ Пелопиду и зато получилъ второе мѣсто по степени почета и подарковъ. Когда царь спросилъ эиванскаго посла, чего они, собственно, добиваются, Пелопидъ отвѣтилъ: свободы Мессеніи и удаленія аѣинскихъ кораблей (подразумѣвался отказъ Аѣинъ отъ Амфиполя и невмѣшательство аѣинянъ въ дѣла Македоніи). Артаксерксъ охотно согласился вписать въ текстъ договора желанія своихъ друзей, эиванцевъ, но когда объ этомъ его

рѣшеніи узнали другіе делегаты, второй аѳинскій посоль Леонъ воскликнулъ: «Говорю передъ Богомъ, что намъ, аѳинянамъ, придется искать, вмѣсто царя, другого союзника!» Артаксерксъ заинтересовался выходкой горячаго аѳинянина и просилъ перевести его слова; узнавши, въ чемъ дѣло, онъ велѣлъ прибавить для утѣшенія аѳинянь къ тексту грамоты: «если аѳиняне сумѣютъ указать болѣе справедливыя условія, пусть сообщать ихъ царю». Ему, очевидно, очень нравилась роль постоянного третейскаго судьи во всѣхъ греческихъ дѣлахъ (367 г.).

Возвратившись домой, послы высказались о персахъ въ мѣру испытанныхъ при сузскомъ дворѣ милостей. Леонъ обвинилъ Тимагора въ измѣнѣ, и аѳинскій народъ присудилъ подкупленнаго делегата къ смертной казни. Элейскій посоль былъ въ восторгѣ отъ персовъ, потому что царь поставилъ Элиду выше Аркадіи, а аркадскій посоль Антиохъ, силачъ и борецъ, не получившій ни гроша, острилъ, что у царя много поваровъ, кондитеровъ, виночерпьевъ и лакеевъ, зато не видно людей, которые могли бы сразиться съ греками; а знаменитое золотое древо у царскаго трона не даетъ тѣни даже стрекозѣ.

Если въ Сузѣ такъ легко было делегатамъ забыть республиканскія традиціи, то въ самой Греціи дѣло обстояло нѣсколько иначе. Эиванцы очень скоро получили урокъ отъ своихъ же союзниковъ, которыхъ вызвали къ себѣ для выслушанія новаго царскаго мира. Въ собраніи выступилъ персъ, привезшій грамоту съ царской печатью; онъ показалъ печать, торжественно вскрылъ ее и прочиталъ текстъ договора; эиванцы предложили со своей стороны союзникамъ присягнуть въ соблюденіи выговоренныхъ въ немъ условій, но делегаты объявили, что явились только выслушать сообщенія, а не для ратификаціи; съ послѣднею цѣлью должно обратиться къ самимъ общинамъ, какъ автономнымъ силамъ. Особенно неприятныя вещи пришлось выслушать эиванцамъ отъ депутатовъ Аркадіи, страны, которой они помогли возродиться къ политической жизни: аркадянинъ Ликомедъ заявилъ, что союзному собранію (σύλλογος) вовсе не мѣсто въ Эивахъ; оно должно быть тамъ, гдѣ кипитъ война, въ Пелопоннесѣ. Эиванцы пробовали остановить его рѣчь и сказали, что онъ портитъ имъ союзниковъ; тогда Ликомедъ и съ нимъ всѣ остальные аркадяне покинули засѣданіе. Пришлось посылать договоръ по отдѣльнымъ общинамъ; первый же городъ, получившій текстъ царскаго мира, Коринѣ, объявилъ, что не станетъ присягать, потому что не имѣетъ ничего общаго съ царемъ; отказались и другіе. «Такъ рушилась воображаемая держава (τῆς ἀρχῆς περίβολοι) Пелопида и эиванцевъ»⁹.

Послѣднее замѣчаніе Ксенофонта, безъ сомнѣнія, внушено традиціонной ненавистью и насмѣшкой аѳинянь въ отношеніи эиванцевъ;

но въ немъ заключенъ до извѣстной степени общегреческій приговоръ надъ политикой Фивъ. Среди общаго истощенія и разстройства Греціи выдвинулась съ притязаніемъ на первую роль грубоватая, отсталая Беотія. Она сумѣла выставить крупный военный талантъ Эпаминонда и показала себя лучшимъ греческимъ войскомъ IV вѣка; оригинальна была и ея программа иностранной политики. Но съ дипломатической и политической стороны она заявила себя средой бездарной и лишенной всякой чуткости. Въ сущности Фивы своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Македоніи и Фессалии открыли македонскимъ царямъ пути въ Грецію. Фиванцы вообразили, что могутъ всего достигнуть лестью и ухаживаніемъ за великимъ царемъ; въ деликатныхъ вопросахъ федеральнаго права, въ искусствѣ сношеній съ автономными общинами они обнаружили полную неспособность. Въ самой Беотіи фиванцы ознаменовали свою объединительную дѣятельность экзекуціями и разрушеніями; они воспользовались заговоромъ орхоменскихъ рыцарей, чтобы окончательно разгромить стариннѣйшій городъ Беотіи, разрушить стѣны Орхомена, продать въ рабство его населеніе и присоединить къ Фивамъ его территорію.

Впрочемъ, большая переменна видна и въ афинянахъ, которые были въ прежнее время такими мастерами политическаго искусства; теперь они обнаруживали отсутствіе сдержки, суетливость и непоследовательность, непрерывно нарушали выработанное при участіи самихъ же Аѳинъ новое федеральное право и затѣмъ срывали свой гнѣвъ на дипломатахъ и командирахъ, которымъ не удавалось поспѣть за первическими поворотами настроеній.

Колебанія афинской политики. Положеніе руководящихъ дѣятелей въ Аѳинахъ было не менѣе трудно, чѣмъ въ эпоху Пелопоннесской войны. Надо удивляться еще, какъ долго удавалось Каллистрату сохранять свое вліяніе. Среди очень трудныхъ обстоятельствъ онъ лавировалъ между Спартой и Фивами, а въ орудованіи морскимъ союзомъ — между централизмомъ и автономіей. Компромиссы, къ которымъ онъ прибѣгалъ, составляли результатъ необходимости удовлетворять одновременно интересы двухъ противоположныхъ группъ: консервативно-умѣренной, состоявшей изъ аѳинскихъ капиталистовъ, и радикально-демократической, опиравшейся на сельскую и городскую бѣдноту. Первая всячески желала избѣгнуть войны, поскольку война была связана съ усиленными налогами на имущество; поэтому она старалась соблюдать федеральныя условія и не раздражать союзныя общины нарушеніемъ автономіи. Въ ея интересы входила дружба съ посторонними воинственными силами, Спартой, македонскимъ и еракійскимъ царьками, а также полученіе субсидій отъ великаго царя (очень вѣроятно, что

угодившій Артаксерксу Тимагоръ принадлежалъ къ консервативной партіи); такая помощь со стороны была нужна для того, чтобы пріобрѣтать и удерживать торговыя станціи по возможности безъ выплатъ изъ аѳинскихъ капиталовъ. Напротивъ, радикальная демократія клонила къ старымъ приѣмамъ централистической политики въ духѣ V вѣка: въ ея программѣ оставались энергичное веденіе войны, чрезвычайные финансовыя сборы, большая добыча, опорные военные пункты и военныя колоніи за границей.

Соглашеніе между обѣими группами было возможно, пока все шло гладко и удачно, пока между Аѳинами и Спартой ещё было равновѣсіе и пока аѳиняне пользовались свободой на морѣ; но послѣ битвы при Левктрѣ въ 371 году положеніе измѣнилось. Эвбейскіе города нашли для себя выгоднымъ примкнуть къ аѳинцамъ и грозили выйти изъ состава морского союза. Становилось необходимымъ усилить наблюденіе за Эвбеей. Но какъ разъ въ это время отъ Аѳинъ отпалъ Оропосъ, пограничный съ Беотіей городъ, мѣсто переправы на Эвбею черезъ узкій проливъ Эврипъ. Появленіе передъ отпавшимъ городомъ эскадры изъ аѳинскихъ и союзническихъ кораблей не помогло дѣлу. Между прочимъ союзники, опираясь, очевидно, на положенія федеральнаго договора, отказались участвовать въ осадѣ Оропоса. Въ Аѳинахъ народъ пришелъ въ большое волненіе. Неудачей воспользовались политическіе противники Каллистрата, чтобы обвинить его самого и выдающагося стратега Хабрія въ небрежности (365 г.). Каллистратъ, великолѣпный ораторъ (δεινός λαγῆς) ¹⁰, вышелъ съ честью изъ этого процесса. Его оправданіе, впрочемъ, объясняется, вѣроятно, не столько его искусствомъ, сколько тѣмъ, что аѳинскій демосъ былъ съ лихвой вознагражденъ большими успѣхами въ проливахъ, въ сѣверной и восточной части Эгейскаго моря. Героемъ ихъ былъ Тимоѳей, сынъ Конона. Сначала посланный на помощь одному изъ малоазійскихъ сатраповъ, Тимоѳей служилъ у него въ качествѣ наемника, вмѣстѣ съ Агесилаемъ, которому на старости лѣтъ тоже пришлось наниматься, чтобы наколотить денегъ своей обѣднѣвшей родинѣ. Среди операций въ Геллеспонтѣ Тимоѳей улучилъ моментъ и напалъ на Самось, захваченный другимъ персидскимъ сатрапомъ: вмѣсто того, чтобы присоединить Самось къ союзу въ качествѣ автономной общины, аѳинскій стратегъ согласился на изгнаніе мѣстныхъ жителей съ острова; на ихъ мѣсто отправили одну за другой двѣ большія партіи клеруховъ, устраивая такимъ способомъ безземельную аѳинскую бѣдноту. Аѳиняне нарушили самымъ рѣзкимъ образомъ федеральную конституцію, вызывая этимъ прежде всего негодованіе и страхъ ближайшихъ островныхъ сосѣдей, Хиоса и Родоса. Между тѣмъ Тимоѳей шелъ отъ одного успѣха къ

другому: онъ захватилъ въ Халкидикѣ Потидею и предоставилъ ее также аѳинскимъ колонистамъ; у Геллеспонта онъ завоевалъ рядъ пунктовъ на еракійскомъ Херсонесѣ и обезпечилъ господство Аѳинъ у проливовъ. Самъ занимая мѣсто среди высшихъ слоевъ аѳинскаго общества, Тимофеей пріобрѣлъ необыкновенную популярность у демоса. Но Аѳины потеряли репутацію защитника морскихъ общинъ, установившуюся въ 377 году.

Послѣдніе успѣхи ѳиванцевъ. Эпаминондъ рѣшилъ воспользоваться положеніемъ. У ѳиванцевъ былъ теперь удобный выходъ въ море черезъ Оропосъ: они снарядили большой флотъ, съ которымъ Эпаминондъ отправился по направленію «къ Азіи и къ островамъ». Сохранилось одно характерное выраженіе изъ его программной рѣчи въ пользу морской политики: «вы, ѳиванцы, будете покойны, лишь когда перенесете Пропилеи аѳинскаго акрополя къ стѣнамъ Кадмеи»¹¹. Эпаминондъ проѣхалъ проливы и добрался до Византіи. Если у ѳиванцевъ была мысль объединить островныя общины, какъ они уже пытались сдѣлать это въ 395 году, то на ряду съ нею возникла другая—отбить у аѳинянъ путь хлѣбнаго подвоза изъ Понта.

ѳиванцамъ не удалось добиться значительныхъ успѣховъ на морѣ, такъ какъ обстоятельства опять отозвали Эпаминонда въ Пелопоннесъ. Здѣсь кипѣли междоусобія, и вліяніе ѳивъ было въ упадкѣ. Объединенныя аркадіяне бросились на Элиду, добрались до Олимпіи, захватили въ свои руки празднованіе игръ и отобрали большую храмовую кассу; на священныя деньги рѣшено было содержать ополченіе. Землевладѣльческая партія воспользовалась случаемъ и протестовала противъ насильственной финансовой мѣры; аркадское ополченіе разстроилось, и вся Аркадія распалась на двѣ группы; демократы позвали ѳиванцевъ, ихъ противники обратились къ Спартѣ. Каллистратъ отправился въ Пелопоннесъ и пытался привлечь Аркадію къ союзу съ Аѳинами, но потерпѣлъ неудачу. Эпаминондъ появился въ Аркадіи съ большимъ войскомъ въ 30.000 человекъ; спартанцы, къ которымъ пришли на помощь аѳиняне, выставили лишь 20.000. При Мантинее произошла битва, въ которой греки въ послѣдній разъ рѣшали свои споры помимо посторонняго участія. Эпаминондъ снова построилъ войско, какъ при Левктрѣ, клиномъ, чтобы разбить непріятельскую линію. ѳиванцы уже были близки къ побѣдѣ, когда Эпаминондъ получилъ смертельную рану; часть его войска не исполнила порученнаго ей движенія, и сраженіе осталось нерѣшеннымъ (362 г.).

Послѣ смерти Эпаминонда ѳиванцы не продолжали его пелопоннесскихъ предпріятій. Великодержавная политика ѳивъ вообще окончилась; они покинули также свои притязанія въ Ѳессаліи и на морѣ. Но краткій

(371—362 г.) подъемъ ѳиванскаго могущества сыгралъ свою роль въ разрушеніи другихъ греческихъ силъ. Противники ѳиванцевъ были жестоко ослаблены. Спарта такъ и не могла вернуть себѣ Мессенію; о возобновленіи пелопоннескаго союза нельзя было и думать. Аѳиняне терпѣли одну неудачу за другой. Ѳракійскій царекъ Котисъ захватилъ часть аѳинскихъ владѣній у Геллеспонта. Византія и калхедонцы останавливали суда съ хлѣбомъ, ѳхавшіе въ Пирей. На западѣ отъ морскаго союза отпалъ важный островъ Коркира. Аѳинскій флотъ былъ такъ слабъ, что не могъ прекратить пиратскихъ набѣговъ, которые предпринималъ въ Эгейскомъ морѣ Александръ, тираннъ города Феръ, замѣстившій Ясона. Мало того: каперы Александра разбили аѳинскую эскадру, находившуюся подъ начальствомъ Леосѳена, затѣмъ бросились на незащищенный Пирей и захватили всю наличность, находившуюся въ мѣняльныхъ лавкахъ.

Паденіе Каллистрата. Такъ же, какъ послѣ потери Оропсеа, и теперь въ Аѳинахъ притянули къ суду стратеговъ и политиковъ, которыхъ считали виновными въ неудачахъ. Сначала осудили на смерть Леосѳена, но онъ успѣлъ бѣжать. Затѣмъ гроза собралась надъ головою Каллистрата (361 г.). Наши свѣдѣнія объ этой эпохѣ такъ разрознены ¹², что хорошенько нельзя выяснить, въ чемъ обвинялся дѣятель, которому удавалось въ теченіе 25 лѣтъ сохранять руководящее положеніе въ политикѣ. Его главные противники были люди такъ наз. ѳиванской партіи; они подняли голову теперь, когда Ѳивы болѣе не представляли опасности; вѣроятно, они особенно настаивали на бесполезности устроеннаго Каллистратомъ союза со Спартой, впавшей въ ничтожество, между прочимъ, на неудачѣ его послѣдней миссіи въ Пелопоннесѣ. Такъ какъ Каллистратъ считался главнымъ устройтедемъ морскаго союза 378—377 года, то на него старались взвалить всю вину за неудачи союзной политики.

Въ процессѣ Каллистрата участвовали также мотивы внутренней политики, но въ нихъ еще трудно разобрать. Во главѣ враждебной ему партіи стоялъ старый радикальный дѣятель Аристофонть, участникъ демократической реставраціи 403 года. Но изъ дальнѣйшаго видно, что ко власти придвигалась группа капиталистовъ, сторонниковъ миролюбивой политики; они, повидимому, воспользовались радикалами лишь какъ орудіемъ, чтобы низвергнуть неудобнаго имъ политическаго вождя. Каллистратъ, въ началѣ своей карьеры, въ 80-хъ годахъ, представлялъ отклоненіе отъ старой воинственной политики поколѣнія Ѳрашибула и Конона; теперь, къ концу 60-хъ годовъ направленіе Каллистрата само стало казаться слишкомъ воинственнымъ. Главная, хотя и не сознаваемая причина этой новой оцѣнки политики состояла въ

неудержимомъ паденіи внѣшнихъ силъ Аѳинъ. Мастерство Каллистрата именно заключалось въ томъ, что онъ долго находилъ возможность приспособляться къ факту растущаго упадка; въ концѣ-концовъ и онъ сорвался. Если дѣятель, выдающійся по таланту и гибкости, не успѣлъ за событіями, то было бы трудно ожидать отъ массы гражданъ быстрого примиренія съ новымъ положеніемъ вещей. Прежде чѣмъ понять общую причину затрудненій, аѳинскій народъ бурлилъ и кипѣлъ, искалъ личныхъ виновниковъ, расправлялся съ воображаемыми злодѣями.

Каллистратъ не рѣшился на этотъ разъ выдерживать защиту, какъ за пять лѣтъ до того, и бѣжалъ, не дождавшись приговора. Безпкойный умъ и горячій патріотъ, онъ не долго вытерпѣлъ въ изгнаніи: запасшись совѣтомъ Дельфійскаго оракула, неизвѣстно на что уповая, онъ вернулся въ Аѳины и бросился къ алтарю 12 боговъ: но противники настигли его и добились исполненія смертнаго приговора.

Съ 360 года Аѳины терпятъ одну неудачу за другою: разбились всѣ попытки вернуть Амфиоль, оракіецъ Котисъ отобралъ почти всѣ владѣнія аѳинянъ въ Херсонесѣ, за всякимъ пораженіемъ слѣдовалъ процессъ стратеговъ. Одного изъ командировъ казнили за неумѣлыя дѣйствія противъ Амфиоля и невыгодное для Аѳинъ соглашеніе съ македонскимъ царемъ, другого присудили къ тяжелому штрафу за бездѣйствіе въ Херсонесѣ; третьяго опять осудили на смерть за потерю Сеста, составлявшаго ключъ Геллеспонта въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Съ истощеніемъ финансовъ стало вообще невыгодно служить аѳинскому народу. Лучшіе аѳинскіе командиры, Хабрій, Ификратъ, занимались на сторонѣ, Хабрій принялъ участіе въ возстаніи Египта противъ великаго царя, Ификратъ сталъ помогать оракійскому царьку и даже породнился съ нимъ. Немудрено, что граждане одной и той же общины могли встрѣтиться въ качествѣ военныхъ противниковъ. Со смертію Артаксеркса II начались мятежи по всей западной окраинѣ персидской державы. Аѳиняне вошли въ союзъ съ самымъ вліятельнымъ изъ взбунтовавшихся малоазійскихъ сатраповъ, Оронтомъ, и поручили своимъ стратегамъ двинуть ему на помощь флотъ, стоявшій подъ Лесбосомъ: они вступили на берегу Малой Азии въ борьбу съ аѳинскимъ же командиромъ Аѳинодоромъ, который нанялся на службу къ великому царю.

Внѣшняя политика Аѳинъ находилась рѣшительно въ слабыхъ рукахъ послѣ осужденія и бѣгства Каллистрата. Разбрасывая силы между Коркирой, Амфиолемъ, Херсонесомъ и малоазійскимъ возстаніемъ, аѳиняне не замѣтили, какъ подготовилось большое возстаніе союзниковъ.

Разстройство аѳинскаго морского союза. У союзниковъ было много основаній недовольства. Союзъ составилъ для охраны торговыхъ

интересовъ общинъ, находившихся на островахъ Эгейскаго моря, а между тѣмъ аѳиняне примѣняли союзный флотъ и финансы для предпріятій, направленныхъ къ ихъ собственному усиленію, не говоря о такихъ вопіющихъ нарушеніяхъ, какъ посылка аѳинскихъ колонистовъ на союзническую территорію; въ то же время у нихъ не хватало силъ помѣшать развитію пиратства во внутреннихъ водахъ греческаго міра; кромѣ разбойничьяго флота Александра Ферскаго, на самомъ Херсонесѣ въ непосредственной близости аѳинскихъ владѣній образовалось гнѣздо морскихъ каперовъ, которые не только тревожили торговые суда, но высаживались на островахъ, захватывали въ плѣнъ людей и продавали въ рабство. Въ существованіи союза теперь явно не было смысла; тѣмъ болѣе возмущало союзниковъ появленіе аѳинскихъ стратеговъ, съ угрозами собиравшихъ такъ назыв. товарищескіе взносы общинъ.

Недовольные островитяне нашли поддержку у могущественнаго князя Каріи, Мавсола, который сначала принималъ участіе въ возстаніи сатраповъ, а затѣмъ отсталъ отъ нихъ и сблизился опять съ великимъ царемъ. Мавсолъ выбралъ своей столицей греческій городъ Галикарнасъ; отсюда онъ завелъ сношенія съ Хиосомъ и Родосомъ и отправилъ имъ на помощь флотъ и наемниковъ. вмѣстѣ съ этими островами отложились отъ Аѳинъ могущественная Византія, а также сосѣдніе съ нею города Перинѳъ и Селимбрія; всѣ они отказали въ уплатѣ взносовъ и образовали свой частный союзъ. Аѳины сохранили власть лишь надъ городами Эвбеи и Лесбосомъ.

О союзнической войнѣ (357—355) мы знаемъ очень немного, по отрывочнымъ намекамъ у нѣкоторыхъ ораторовъ; а между тѣмъ это былъ крупнѣйшій кризисъ въ исторіи аѳинскаго паденія. Намъ надо постараться уяснить смыслъ явленій. Въ Аѳинахъ явно брала верхъ партія консервативная, партія мира и отказа отъ крупныхъ задачъ, но она не рѣшалась сразу прямо и открыто выступить. Сначала выслали противъ отпавшихъ союзниковъ большой флотъ; снаряженная эскадра была самой крупной изъ всѣхъ, которыя оперировали послѣ Пелопоннесской войны; посланы были и лучшіе командиры республики, Ификратъ и его сынъ Менесоей, Хабріи и Тимофей. Всѣ они, повидимому, были въ соглашеніи съ группой умѣренныхъ и сторонниковъ мира; но радикально-воинственная партія провела въ качествѣ главнокомандующаго своего человѣка, Хареса.

Въ моментъ рѣшительнаго столкновенія съ флотомъ союзниковъ Харесъ не встрѣтилъ поддержки своихъ сотоварищей и долженъ былъ ступить. Въ образѣ дѣйствій Ификрата и Тимофея (Хабріи погибъ въ небольшой стычкѣ) явно сказалось давленіе партіи мира: они не рѣ-

шлись рисковать послѣдними военными силами, заняли выжидательное положеніе и вступили въ переговоры съ отпавшими союзниками. Въ свою очередь эта сдержка съ необходимостью вытекала изъ условій снаряженія послѣдняго флота Аѳинъ. Потребовалось огромное финансовое усиліе. Въ виду этого произошла реформа въ поставкѣ кораблей, вмѣсто старой тріерархіи, т.-е. добровольныхъ взносовъ со стороны отдѣльныхъ богатыхъ людей, былъ введенъ налогъ на весь имущій классъ; плательщиковъ раздѣлили на симморіи, податныя группы съ круговой порукой. По виду это была демократическая мѣра, проведенная въ духѣ прогрессивнаго налога, съ большимъ давленіемъ на богатыхъ и въ интересахъ массы бѣдныхъ, оставшихся внѣ платежной повинности. Но та же реформа выдвинула богатыхъ въ управленіи: во главѣ симморій стали 300 крупнѣйшихъ по достатку гражданъ; между ними была разложена отвѣтственность, на нихъ легла тяжелая повинность, но они же получили руководящую роль въ дѣлахъ. Они стали назначать тріерарховъ, т.-е. капитановъ военныхъ кораблей, и фактически команда обратилась въ составъ офицеровъ, зависимыхъ отъ высшей финансовой коллегіи. Поставленные во главѣ дѣлъ, обладатели капитала не могли позволить загубить военныя и морскія силы, снаряженныя на ихъ счетъ, для того, чтобы потомъ опять нести тотъ же разорительный налогъ.

Въ результатъ финансовой реформы, создавшей негласный, но все-сильный правительственный комитетъ, война остановилась, а другого средства вернуть къ подчиненію отпавшихъ союзниковъ не было: Аѳинамъ приходилось отступать съ позиціи великой державы. Послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ побѣжденной радикальной демократіи былъ процессъ знаменитыхъ аѳинскихъ стратеговъ; Харесъ донесъ народу о преступномъ бездѣйствіи коллегъ, ихъ вызвали на судъ въ Аѳины. Ификратъ и Тимофей держали себя во время процесса высокомерно и потѣшались надъ своими обвинителями, людьми гражданскаго званія и несмыслящими въ военномъ дѣлѣ. Ификратъ былъ оправданъ, Тимофея присудили къ большому штрафу, оба они покинули Аѳины. Харесъ получилъ отъ народа исключительныя полномочія, но и онъ не въ силахъ былъ дать войнѣ лучшей оборотъ.

Оставалось примириться съ необходимостью. Теперь консервативная партія выступила открыто и добила мир: отпавшимъ союзникамъ предоставили полную автономію; у Аѳинъ остались только острова сѣверной части Эгейскаго моря, т.-е. владѣнія, признанныя еще въ 403 г.

Упадокъ аѳинской демократіи. Миръ 355 года составлялъ ясное признаніе конца державной политики. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ активной демократіи въ старомъ смыслѣ, концомъ дѣйстви-

тельною вліянію широкихъ слоевъ, низшихъ классовъ общества. Правда, народныя собранія, контроль должностныхъ лицъ и другія формы, выработанныя въ прошломъ, остались, но онѣ обратились теперь скорѣе въ декорацию, въ парадъ демократіи. Собиравшаяся въ экклесіи масса народа была непохожа на воинственныхъ, острыхъ и притязательныхъ гоэлитовъ и оетовъ V вѣка. Аѣины вели теперь не только сухопутныя, но и морскія войны наемными силами, и граждане не упражнялись въ маневрахъ, не водили военныхъ тріеръ, какъ въ героическія времена аѣинской державы; это были люди мирныхъ профессій, гораздо менѣе способные вникать въ частности военнаго дѣла, за которыми такъ внимательно слѣдилъ демось V вѣка. Гораздо слабѣе стала также контроль финансовъ, которому гражданство державной эпохи посвящало такъ много времени и заботы. Демось склоненъ былъ теперь довѣрять большіе отдѣлы управленія въ постоянное завѣдованіе опредѣленнымъ лицамъ, которыя разъ заслужили его довѣріе.

Декоративность традиціонныхъ учрежденій демократіи получила какъ бы символическое выраженіе; новые руководители аѣинской политики сохранили и даже расширили одинъ изъ видовъ раздачи народу, именно оеорики, т.-е. билеты на посѣщеніе театра и другихъ публичныхъ зрѣлищъ. Систему широкой раздачи оеорика вводитъ Эвбуль, вліяніе котораго особенно замѣтно съ 355 года, момента окончанія союзнической войны. Эвбуль занимаетъ своеобразную должность, впервые въ это время появившуюся въ Аѣинахъ: онъ—управитель кассы оеориковъ (*ὁ ἐπὶ τῷ Θεωρικῶν*)¹³. Въ качествѣ такового онъ получаетъ контроль надъ всѣмъ финансовымъ дѣломъ, надъ общественными работами и даже военнымъ снаряженіемъ. И Эвбуль, и другой начальникъ праздничной кассы Діофантъ выдѣлились своей щедростью, и ихъ тароватость сохранилась въ памяти народа.

Историку интересно отмѣтить, что въ Аѣинахъ IV вѣка уже есть многое, что потомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ повторилось въ Римѣ подъ конецъ республики. Такъ точно въ Римѣ запомнились народу Помпей, Цезарь и Октавіанъ, поразившіе массу своими щедротами; въ тотъ моментъ, когда императоры построили великолѣпныя залы для народныхъ собраній, эти собранія, фактически безсильныя, замолкли, и весь демократическій парадъ переселился въ циркъ. Въ Аѣинахъ народъ-государь получалъ по-старому почетъ и лучшія мѣста на праздникахъ; самодержцу въ отставкѣ выдавали очень хорошую пенсію. Руководящія группы общества были настолько тактичны, что не тронули старыхъ символовъ, не стали спорить за каждую статью бюджета, разъ только избавились отъ гнета прогрессивнаго налога, вызывавшагося великодержавной политикой. Довольно курьезна еще слѣ-

дующая черта Афинъ IV вѣка, сближающая великую греческую республику съ Римомъ въ эпоху наступленія императорства. Въ свое время гордый демосъ допускалъ у себя лишь изваяніе тиранноубійць въ качествѣ первыхъ республиканскихъ героевъ; теперь городъ сталъ увѣковѣчивать славу иного рода: большая рыночная площадь украсилась статуями Эвагора, кипрскаго тирана, оказавшаго услуги Афинамъ, счастливыхъ командировъ Конона, Хабрія и Тимофея, передъ успѣхами которыхъ масса преклонялась тѣмъ болѣе, что они избавили ее отъ необходимости вооружаться и лично воевать.

Мы видѣли, что развязка большой афинской драмы, въ которой такъ тѣсно сплелись державная политика и активная демократія, обошлась не безъ трагическихъ эпизодовъ: моральное состояніе афинскаго народа въ моментъ паденія республики ярко отражается въ лихорадочныхъ снаряженіяхъ изъ послѣднихъ силъ, въ нетерпѣливыхъ смѣнахъ командировъ, въ политическихъ процессахъ демагоговъ и стратеговъ,—процессахъ, которые превращались въ акты распаленной мести.

Программа миролюбивой торговой республики. Намъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстна радикальная публицистика эпохи паденія большого морскаго союза, и только самый фактъ ея существованія остается несомнѣннымъ, какъ можно заключить изъ дѣятельности Демосфена, этого несравненнаго таланта, выставленнаго погибающей республикой; онъ не могъ не имѣть предшественниковъ и вдохновителей. Что же касается публицистики консервативной, то она дошла до насъ въ видѣ двухъ очень любопытныхъ произведеній, авторы которыхъ поставили себѣ задачей примирить высшіе слои общества съ новымъ положеніемъ вещей и даже открыть въ немъ своеобразныя выгоды.

Одно изъ нихъ есть брошюра неутомимаго Исократъ, который, несмотря на свой преклонный возрастъ, сохранилъ весь пылъ журналиста, стремящагося непрерывно освѣщать и направлять общественное мнѣніе. Статья носитъ заглавіе *Συμμαχικός ἢ περί εἰρήνης* и написана въ самый разгаръ союзнической войны въ 357 или 356 году. По господствующему въ ней тону она приблизительно противоположна программѣ, которую за четверть вѣка до того развивалъ тотъ же авторъ въ «Паннегирикѣ». Тогда онъ призывалъ къ большой войнѣ, къ широкой организации подъ предводительствомъ Афинъ; теперь дѣло идетъ о сокращеніи задачъ и расходовъ, объ отказѣ отъ того, что Исократъ считаетъ общимъ и упорнымъ афинскимъ предразсудкомъ. Народъ хочетъ большого союза, безусловнаго единства дѣйствій всѣхъ союзниковъ, послушныхъ его руководству, хочетъ настойчиваго веденія войны; Исократъ требуетъ неограниченной свободы для всѣхъ союзниковъ, не только для возставшихъ, но и для остальныхъ, хочетъ мира во что бы

то ни стало, какой бы то ни было цѣной. Аионы должны отказаться отъ власти надъ другими. Вѣдь ихъ предводительство возникло въ результатѣ добровольнаго признанія, оно не опиралось на какое-либо несомнѣнное право. Великодержавная политика уже довела однажды общину до края гибели. Исократъ видитъ въ этой старой политикѣ «безумство», ненасытную жажду до чужого добра, досадное вмѣшательство во всѣ греческія дѣла. Надо заключить миръ съ возставшими, отказаться отъ великодержавнаго самолюбія, предоставить всѣмъ свободу и автономію, и надо разоружиться самимъ; только тогда можно обезпечить себѣ полный и вѣчный миръ.

Очень характерно, что Исократъ можетъ вполне откровенно высказывать подобныя мысли; одно это показываетъ, какъ далеко зашла перемѣна настроенія въ Афинахъ. Исократъ рисуешь затѣмъ заманчивую картину новой жизни въ богатствѣ и довольствѣ, имѣющей наступить вслѣдъ за умиротвореніемъ. «Война у насъ все отняла, сдѣлала насъ бѣдными, принесла опасности и создала намъ дурную репутацію у грековъ. Когда мы заключимъ миръ и проведемъ измѣненія, которыхъ потребуютъ договоры, мы будемъ покойно жить въ нашемъ городѣ, свободные отъ войны, опасности и волненій; каждый день будетъ увеличивать наше богатство. Освободившись отъ военныхъ налоговъ, триерархій и поборовъ, мы возстановимъ наше земледѣліе, будемъ ѣздить по морю и вести свои дѣла, разстроенныя войной; мы отдѣлаемся отъ худшаго сорта людей, отъ наемниковъ, и увидимъ, какъ городъ наполнится купцами, иностранцами и метойками, которые теперь покинули его. Тогда у насъ всѣ люди на свѣтѣ будутъ добровольными союзниками». Исократъ увѣренъ, что мирныя сношенія, дипломатія дадутъ больше, чѣмъ давала война.

Кажется, какъ будто авторъ воззванія даже готовъ отказаться отъ всякихъ крупныхъ цѣлей—въ такой мѣрѣ велико желаніе мира, сбереженія, спокойной выгоды. Пусть, говоритъ онъ, демось перестанетъ подражать тиранническимъ царямъ, пусть предоставитъ имъ объявлять всѣмъ вражду, подозрѣвать своихъ же друзей, довѣрять свою жизнь наемникамъ, которыхъ они никогда въ глаза не видѣли. Что за выгода въ томъ, что Эссалия велика и богата, если она не имѣетъ покоя; насколько счастливѣе маленькая Мегара, у которой нѣтъ ни полевой земли, ни гавани, ни серебряныхъ рудниковъ, но которая, благодаря непрерывному миру, выстроила себѣ самые крупные дома во всей Греціи. Вслѣдъ за этимъ мелко-мѣщанскимъ реалистическимъ мотивомъ идетъ выпадъ противъ аинскаго радикализма: «трудно понять подобныя истины народу, у котораго такіе плохіе совѣтчики; онъ слѣдуетъ во всемъ указкѣ дурныхъ ораторовъ и демагоговъ, послѣдніе же въ каче-

ствѣ царей каеэдры обратились въ патроновъ-кормильцевъ всей массы, которая живетъ судомъ и народнымъ собраніемъ, получаетъ съ этого доходъ и чувствуетъ большую благодарность оратору за всякій процессъ и всякій доносъ». «На головы этихъ сикофантовъ падаетъ отвѣтственность за нужду бѣдныхъ и отягощеніе богатыхъ, которыхъ тѣснятъ всѣми этими литургіями, симморіями, поборами такъ, что люди имущіе ведутъ болѣе печальную жизнь, чѣмъ тѣ, кто всегда оставался въ бѣдности». Изъ этого грустнаго размышленія о тяжелой участи богатыхъ въ демократіи ясно, что Исократъ считаетъ народное правленіе, связанное съ широкимъ государственнымъ хозяйствомъ, невыгоднымъ для имущихъ.

Новая политическая программа капиталистовъ развивается вполне откровенно. Исократъ раздѣляетъ все общество на два класса: «трезвыхъ», которые своими деньгами охраняютъ государство, и «опьяненныхъ», расточающихъ государственное достояніе. Онъ указываетъ на дурную привычку, существующую въ Афинахъ,—обрушиваться на сторонниковъ мира и сбереженій. У насъ привыкли осуждать защитниковъ мира и видѣть въ нихъ олигархическую партію, а къ пропагандистамъ войны относиться благосклонно, потому что они считаются приверженцами демократіи. Но этому превратному взгляду долженъ быть положенъ предѣлъ; надо, наконецъ, послушаться трезвыхъ, и лишь тогда Афины, а вмѣстѣ съ ними и Эллада достигнуть счастья. Въ заключеніе, чтобы у читателя не оставалось сомнѣнія, къ какому классу примыкаетъ самъ авторъ, Исократъ прибавляетъ личное замѣчаніе: «вмѣстѣ съ общей переменной улучшится и положеніе ученыхъ» (*τὰ τῶν φιλοσόφων πρᾶγματα*)¹⁴. Себя, человѣка ученой профессіи, писателя, преподавателя, онъ отдѣляетъ отъ демоса и спѣшитъ включить въ консервативные имущіе слои общества.

Эта аристократическая повадка интеллигенціи, весьма многочисленной въ Афинахъ, очень характерна. Она явилась въ результатѣ своеобразной эволюціи. Въ концѣ V вѣка люди умственной дисциплины и технического образованія въ лицѣ Сократа, его учениковъ и др. требовали себѣ особаго положенія въ государствѣ, какъ бы увѣренные въ своей способности стать специальными совѣтчиками общины; къ числу ихъ принадлежалъ, повидимому, Фукидидъ, который считалъ возможнымъ примиреніе вліятельной роли интеллигенціи съ демократическимъ строемъ. Послѣ двукратнаго государственнаго переворота, въ которомъ интеллигенція соединилась съ реакціонерами, послѣ процесса Сократа философы и техники по большей части разрываютъ съ демократіей. Многие специалисты военнаго дѣла, въ родѣ Ксенофонта, уходятъ въ эмиграцію; на чужую службу стремятся также гражданскіе эле-

менты интеллигенции, судя по Платону и его ученикам; немного позднее тѣ же кружки склоняются къ уходу въ созерцательную, церковную жизнь, въ мистическій академизмъ. Недалеко отъ послѣдняго направленія стоитъ Исократъ. Его мирная политика трезвенныхъ людей есть очень сокращенная политика, почти уходъ отъ политики. Публицистика отражаетъ тѣ же явленія, какія наблюдаются въ жизни: замиреніе республиканизма, торжество мелкихъ частныхъ и мѣстныхъ интересовъ и обращеніе къ отвлеченной кружковой жизни. Но горячіе проповѣдники мира вовсе не хотятъ отказываться отъ блестящихъ перспективъ, отъ преобладанія Аѳинъ въ греческомъ мірѣ; имъ кажется, что все потерянное вслѣдствіе отказа отъ державной политики можно вернуть другимъ путемъ, и сузившаяся маленькая община опять пріобрѣтетъ первенство и богатство въ силу различныхъ естественныхъ условій; надо только сумѣть использовать новые источники доходовъ.

Послѣднему вопросу посвящена другая брошюра той же эпохи, находящаяся, по недоразумѣнію, въ собраніи сочиненій Ксенофонта и озаглавленная «о доходахъ» (περί προσόδων). Неизвѣстный авторъ очень обстоятельно рисуетъ новую торговую и финансовую программу, при исполненіи которой Аѳины должны достигнуть процвѣтанія; при этомъ точно перечисляются группы людей, заинтересованныхъ въ перемѣнѣ политики. «Кому только не нуженъ покой и миръ? Развѣ не нуженъ онъ хлѣботорговцу, а за нимъ вообще судовладѣльцу и купцамъ? А виноторговцу? А виноградарю? Что вы скажете о владѣтеляхъ большихъ оливковыхъ плантацій, о крупныхъ садовладѣльцахъ? А развѣ не нуждаются въ мирѣ тѣ, кто извлекаетъ выгоду изъ духовнаго капитала? Мастера въ ремеслахъ, учителя (σφισταί) и ученые (φίλοσοφοί), поэты и артисты, тѣ, кто изслѣдуетъ или создаетъ произведенія искусства для религіозныхъ и свѣтскихъ цѣлей? Наконецъ, не заинтересованы ли въ мирѣ всѣ, кто получаетъ пользу отъ непрерывной покупки и перепродажи? Не будетъ ли всѣмъ этимъ людямъ легче добиваться своихъ цѣлей въ (реформированныхъ) Аѳинахъ?»

Авторъ вращается исключительно въ области финансовыхъ вопросовъ, и его совѣты очень любопытны. Онъ описываетъ естественныя богатства и географическое положеніе Аттики и высказываетъ мысль, что самой природой Аѳины поставлены въ положеніе всемірнаго рынка. Въ торговомъ смыслѣ здѣсь какъ бы пупъ земли (κόγχλου τόνος)¹⁵, и городъ соединяетъ всѣ выгоды островнаго и материковаго положенія.

Въ Аѳинахъ долженъ образоваться силою вещей огромный товарный и денежный оборотъ, въ которомъ примутъ участіе и греки, и варварскія народности. Огромный обмѣнъ создастъ богатство частныхъ лицъ, а отъ этого косвенно выиграетъ и община. Затѣмъ указывается

рядъ средствъ для усиленія государственныхъ доходовъ. Надо обложить новыми налогами метойковъ, а зато освободить ихъ отъ досадныхъ мелкихъ повинностей, главное же—отъ военной службы (это требованіе совпадаетъ съ общей программой разоруженія). Полноправное гражданство окончательно должно будетъ устроиться на счетъ обывателей, элемента пришлага. Много мѣста въ статьѣ занимаетъ проектъ, какъ использовать Лаврійскіе серебряные рудники, которые представляются автору безграничнымъ кладомъ. Въ данное время они слабо эксплуатируются отъ недостатка рабочихъ рукъ. Государство должно придти на помощь частнымъ лицамъ: приобрести большое число рабочихъ невольниковъ, съ расчетомъ приблизительно по три человѣка въ среднемъ на каждого гражданина, и затѣмъ, раздѣливъ рудники на участки, предоставить гражданамъ нанимать у него рабочихъ; доходъ долженъ получиться неимовѣрно большой. Еще одно финансовое средство указываетъ авторъ: надо создать большой торговый флотъ. Транспортъ товаровъ, идущихъ какъ въ Аѳины, такъ и изъ Аѳинъ, въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ онъ могъ бы быть, что происходитъ отъ недостатка судовъ. Авторъ предлагаетъ организовать постройку флота на международныхъ паяхъ; онъ увѣренъ, что, кромѣ греческихъ республикъ, въ дивидендахъ захотятъ принять участіе цари, тиранны и сатрапы. Онъ затрогиваетъ при этомъ область внѣшней политики: Аѳины должны создать въ Греціи союзъ для соблюденія мира; но они будутъ сдерживать нарушителей не вооруженной силой, а дипломатическимъ вмѣшательствомъ.

Итакъ, консервативная партія мечтала о распредѣленіи товарнаго и денежнаго рынка при нейтралитетѣ и даже помощью нейтралитета. Но все дѣло въ томъ, что нейтралитетъ не получается самъ собою, какъ даръ небесъ; и мы увидимъ, какъ скоро разлетѣлись оптимистическія ожиданія аѳинскихъ консерваторовъ.

Ослабленіе интереса къ политикѣ. Открытыя и рѣшительныя выстушенія консервативныхъ высшихъ слоевъ въ Аѳинахъ были бы невозможны, если бы не глубокое паденіе политической чуткости въ массѣ демоса. Въ свою очередь разъ такъ обстояло дѣло въ Аѳинахъ, старомъ крѣпкомъ оплотѣ демократіи, то чего же можно было ожидать отъ другихъ общинъ. Какъ ни плохо мы знаемъ внутреннюю исторію общинъ въ IV вѣкѣ, но достаточно и немногихъ отрывочныхъ фактовъ, чтобы судить объ упадкѣ республиканизма въ Греціи. Мѣстами появляются своеобразныя фигуры самозванныхъ администраторовъ, которые, съ согласія притихшаго народа, упраздняютъ его правленіе и забираютъ всѣ дѣла въ свои руки. Мы уже видѣли въ такой роли Полидама, откупившаго всѣ налоги и общественные доходы Фарсала и, бла-

годаря этому, сдѣлавшагося полнымъ господиномъ общины. Нѣчто подобное происходитъ въ Сикіонѣ въ эпоху эиванскихъ нашествій на Пелопоннесъ ¹⁶. Выступаетъ Эвфронъ, богатѣйшій человекъ Сикіона, и предлагаетъ врагамъ Спарты, Аркадіи и Аргосу, помочь ему оторвать Сикіонъ отъ пелопоннескаго союза: для этого надо скинуть традиціонное правленіе (*κατὰ τοὺς ἀρχαίους νόμους*) сикіонской аристократіи. Затѣмъ, какъ по командѣ, Эвфронъ устраиваетъ въ Сикіонѣ демократическій парадъ, впускаетъ въ городъ аркадскихъ и аргивскихъ солдатъ и въ ихъ присутствіи созываетъ народъ. Объявляется торжественно политическое равноправіе (*πολιτείας ἰσομένης ἐπὶ τοῖς ἴσοις καὶ ὁμοίοις*); но это только краткая демонстрація, нужная для того, чтобы провозгласить самого Эвфрона и его присныхъ стратегами. Больше народъ не нуженъ этому Діонисию въ миниатюрѣ; онъ смѣщаетъ начальника наемнаго отряда, ставитъ на его мѣсто своего сына, выгоняетъ подъ предлогомъ симпатій къ Спартѣ богатыхъ людей и забираетъ ихъ капиталы, затѣмъ безцеремонно захватываетъ всю городскую кассу, храмовыя деньги и сбереженія, принанимаетъ новыхъ солдатъ и водворяется въ Сикіонѣ самодержцемъ.

Съ политическимъ упадкомъ народа объ руку идетъ культурный, и въ концѣ-концовъ трудно отдѣлить одинъ рядъ явленій отъ другого. Здѣсь Аѳины, блиставшія своеобразной развитостью демоса, даютъ самую краснорѣчивую картину.

Упадокъ аѳинской культуры. Говорятъ, что Агиррій, вводя плату за посѣщеніе народнаго собранія и желая наскрести денегъ откуда бы то ни было, обрѣзаль гонорары, получаемые поэтами за публичныя представленія сочиненныхъ ими пьесъ ¹⁷. Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Демагогъ добываетъ средства, чтобы заставить народъ ходить въ собранія, которыя стали ему не интересны; онъ обижаетъ, ради своей политической цѣли, художниковъ слова, драматурговъ, работающихъ на демократію. Правда, большая скарденность возрожденной демократіи имѣетъ свое оправданіе въ истощеніи общинныхъ финансовъ и еще въ томъ обстоятельстве, что новые поэты куда хуже сравнительно съ Эврипидомъ и Аристофаномъ. Но вѣдь и само паденіе театра въ тѣсной связи съ общимъ обѣднѣніемъ жизни и въ частности опять съ малымъ интересомъ народа къ публичнымъ дебатамъ, къ общимъ вопросамъ, къ крупной драмѣ жизни. Поэты вовсе не были такъ виноваты; вдохновеніе только кажется внутреннимъ даромъ, силой, идущей изъ глубины души; въ дѣйствительности его не можетъ быть безъ общественнаго увлеченія, какъ нѣтъ лектора безъ волнующей и подстрекающей его аудиторіи. Трагедія V вѣка была велика тѣмъ самымъ огнемъ, который горѣлъ въ политическихъ собраніяхъ

эпохи; ея высокій стиль подходилъ какъ нельзя болѣе къ вкусу общества, цѣнившаго публичную декламацию; когда народъ сталъ отъ нея отворачиваться, поэты разучились говорить языкомъ ораторовъ и софистовъ. Комедія пострадала еще болѣе по существу. Въ послѣднюю треть V вѣка, среди горячей борьбы партій, она была насыщена политикой, и, несмотря на запрещенія или, можетъ быть, благодаря необходимости бороться съ затрудненіями, она кипѣла политическимъ остроуміемъ. Теперь въ IV вѣкѣ стѣсненій не было, наступила свобода, но у комиковъ не было ни задора, ни охоты возиться съ гражданскими мотивами. Аристофановы «Женщины на сходкѣ» 392 г., были послѣдней политической комедіей. Его преемники занялись скандалами, любовными интригами, мелкими пороками буржуазнаго быта; содержаніе комедій IV вѣка (такъ назыв. средней)—бытовое въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Одновременно происходитъ большая перемѣна и въ постановкѣ пьесъ. вмѣсто любителей, постоянно смѣнявшихся, начинаютъ играть профессиональные актеры, а это обстоятельство, въ связи съ ухудшеніемъ литературной цѣнности пьесъ, ведетъ къ пониженію уровня образованія въ аѳинской массѣ, которая прежде въ своемъ большинствѣ дебютировала на сценѣ, и глядѣла, и давала оцѣнки драмъ. Не мудрено, что вкусъ падаетъ очень быстро среди публики, которая стала гораздо болѣе пассивной къ театру. Въ 369 году, въ управленіе Каллистрата, въ исторіи аѳинской сцены произошла скандальная катастрофа, возможность которой въ прежнія времена была бы совершенно исключена: ради союза съ Діонисіемъ сиракузскимъ аѳиняне допустили на сцену пьесу тиранна, воображавшаго себя великимъ художникомъ, и увѣнчали произведеніе этого кропателя преміей; очень характерно, что вмѣстѣ съ утратой вкуса аѳинская публика потеряла и чувство собственного достоинства.

Намъ слѣдуетъ вспомнить, что театръ, судъ и экклесія были важнѣйшими образовательными учрежденіями аѳинской демократіи. Авторъ олигархической брошюры 425 г. пытался смѣяться надъ неученостью народа, но долженъ былъ признать, что этотъ народъ и толковъ, и уменъ, и зорко наблюдаетъ свои интересы, не забывая о духовныхъ развлеченіяхъ и объ эстетикѣ. Теперь публичные собранія, сцена и каеэдра давали народу гораздо меньше поученія; талантливые люди не старались болѣе угодить когда-то требовательной большой аѳинской публикѣ. Поэты, ученые, историки писали для своей особой группы поклонниковъ, сочиняли и отдѣлывали для далекаго, разсѣяннаго, невиднаго имъ читателя; литература стала книжной и аристократической, интеллигенція окончательно отдѣлилась отъ народа.

Умственная аристократія начинаетъ вообще поглядывать поверхъ стѣнъ аѳинскихъ. У Платона, у Исократы, какъ руководителей учебныхъ занятій, ведется переписка и личная дружба со знатными и королеванными иностранцами, съ еракійскими и македонскими принцами, съ тираннами Кипра, Сиракузъ и Гераклеи Понтійской. Греческіе художники начинаютъ усиленно работать на сатраповъ и малоазійскихъ князей. Въ Аѳины приливаютъ въ большомъ количествѣ учащіеся и просто любопытствующіе иностранцы, привозятъ свои вкусы и привычки. Аѳинская толпа постепенно утрачиваетъ свой яркій своеобразный національный обликъ; особенно быстро растворяется она въ портовой, нижней части города, въ Пирей, гдѣ такъ велика толчея прѣзжихъ купцовъ и моряковъ. Все больше и больше вступаютъ въ аѳинскую жизнь восточные оттѣнки. Иностранцы привозятъ своихъ боговъ, и скоро аѳиняне начинаютъ сами увлекаться новыми для нихъ культурами. Въ IV вѣкѣ въ Пирей есть святилище Афродиты Кипрской, т. е. безъ сомнѣнія, Астарты финикійской, есть храмъ египетской Изиды. Но больше всего успѣха имѣли божества тѣхъ странъ, которыя примыкаютъ къ Геллеспонту и Черному морю, гдѣ проходила главная артерія аѳинской торговли. Мы видѣли уже около 415 г. вторженіе буйнаго культа еракійской богини Котитто. Скоро послѣ этого аѳиняне официально ввели у себя культъ другой еракійской богини, Артемиды Бендидской¹⁸. Въ IV вѣкѣ религиозный интересъ направляется въ сторону почитанія бога-страдальца и богини Матери: аѳиняне открываютъ гостепрѣмно просторъ культу Адониса и фригійской Великой богини; въ качествѣ служителей этихъ новыхъ для Греціи боговъ появляются метрагирты, нѣчто въ родѣ нищенствующихъ дервишей, въ свою очередь близкіе къ мѣстнымъ греческимъ киникамъ.

Политическіе и соціальные взгляды Платона и его школы. Всѣ характерныя черты аѳинской жизни IV вѣка отразились въ ученіи Платона и основанной имъ школы: и упадокъ политическаго интереса, и сильное влеченіе къ восточнымъ мотивамъ, и гибель свободныхъ и яркихъ направленій въ искусствѣ, изъ которой теоретикъ вывелъ право и обязанность строго пуританскаго очищенія всѣхъ созданій художественнаго творчества. Зажиточная часть интеллигенціи рѣзко отдѣляетъ себя отъ пролетаріевъ-киниковъ; она осуждаетъ все, что въ свое время выросло въ демократіи, и захватываетъ въ мрачной безразличности еще гораздо дальше вглубь греческой традиціи, но хочетъ сохранить особый уголокъ культуры для людей приличнаго общества.

Въ 90-хъ гг. IV в., пока живы были Кононъ и Фрасибулъ, пока не совсѣмъ померкла старая демократія, Платонъ не могъ появиться или, по крайней мѣрѣ, открыто выступить въ Аѳинахъ. Положеніе

измѣнилось въ 80-хъ и особенно въ 70-хъ гг., когда въ управленіе Каллистрата началось сближеніе Аѳинъ со Спартой и все громче стали заявлять себя сторонники консервативныхъ взглядовъ, безразличные или враждебные къ демократіи. Для того, чтобы удержаться на политической поверхности, Каллистратъ дѣлалъ дальнѣйшія уступки въ томъ же направленіи: въ 60-хъ гг. въ Аѳины получили доступъ многіе старые эмигранты, между прочимъ Ксенофонтъ, сыновья котораго сражались въ аѳинскомъ отрядѣ при Мантинѣѣ. Въ этой очень измѣнившейся обстановкѣ Платонъ могъ спокойно систематизировать свои антидемократическія ученія и готовить среди республики школу ея разрушителей; какъ нельзя болѣе ярко сказывается въ этомъ фактѣ упадокъ энергіи и сознательности въ самой аѳинской демократіи, потому что ея терпимость къ ученикамъ осужденнаго Сократа вовсе не была результатомъ новыхъ политическихъ принциповъ, а составляла только признакъ растущей пассивности въ политикѣ.

Вражда къ демократической республикѣ, къ политической борьбѣ, къ началамъ равноправія составляетъ самую ясную черту міровоззрѣнія Платона. Всѣ принципы греческой автономіи и свободы, весь обиходъ демократической республики кажется Платону чѣмъ-то ребяческимъ, непригоднымъ, возмутительнымъ; старанія республиканцевъ обезпечить неприкосновенность конституціи вызываютъ лишь его насмѣшку. Гораздо труднѣе опредѣлить его положительное ученіе. Главное затрудненіе получается вслѣдствіе того, что почти нельзя найти связи между крупнѣйшимъ сочиненіемъ Платона, Политіей, и свѣдѣніями о практической дѣятельности его, къ которой имѣется комментарий въ Письмахъ. «Политія»—значить государство, но книга подъ этимъ заглавіемъ составляетъ трактатъ объ устройствѣ церковной общины; она дышетъ глубокимъ презрѣніемъ ко всему политическому. Между тѣмъ упорное влеченіе Платона къ сицилійскому двору Діонисія, его двукратная поѣздка въ Сиракузы, его сближеніе съ зятемъ тиранна Діономъ и попытка обучить Діонисія Младшаго философіи государственной науки, все это показываетъ, что у аѳинскаго ученаго и его послѣдователей было великое политическое честолюбіе, громадное желаніе играть роль именно въ государственной жизни. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить глубокаго противорѣчія между основнымъ настроеніемъ Политіи и главной задачей, поставленной въ другомъ крупномъ сочиненіи Платона, Законахъ, которое считается обыкновенно его старческой работой. Въ Политіи Платонъ отстраняетъ всякое законодательство, какъ нѣчто ненужное для общества, воспитаннаго въ здоровыхъ началахъ и замкнутаго въ рамки строгой теократической дисциплины; въ Законахъ онъ необыкновенно усердно разрабатываетъ подро-

ности гражданского и уголовного права и судопроизводства, составляет обстоятельный и до мелочей проникающий сводъ положеній по административному праву.

Искать примиренія этихъ противорѣчій—занятіе совершенно бесплодное. Объяснить же ихъ можно тѣмъ, что въ школѣ Платона имѣлись два направленія и что разобраться въ нихъ не успѣлъ самъ учитель до конца дней своихъ. Одно представляло уходъ и даже бѣгство отъ политики: люди мечтали о какомъ-то монастырѣ, тихой общинѣ, гдѣ можно отдаваться отвлеченной наукѣ, созерцанію и молитвамъ, т.-е. разговорамъ съ самимъ собою. Академія Платона, его загородная вилла съ тѣнистымъ садомъ, была именно попыткой устроить такой церковный рай внѣ политики. Но въ самомъ наставникѣ и въ большинствѣ его учениковъ кипѣли мірекія желанія править и властвовать. Отсюда въ тѣхъ же людяхъ другое направленіе, устремленное къ выработкѣ специальныхъ свѣдѣній, техническихъ умѣній, которыя можно было бы приложить въ государствѣ, только бы оно устроилось иначе, чѣмъ возмутительная демократическая республика съ ея началами равенства и всеобщей свободы. Понятно, что у тѣхъ, кто мечталъ о дѣятельности подобнаго рода, возникало влеченіе къ военно-бюрократическому государству, а также интересъ къ полицейскому праву, единственной формѣ публичной дѣятельности, какая допускается въ самодержавномъ строѣ.

Если для почитателей Платона больно увѣриться въ наличности жестокаго противорѣчія, раздирающаго цѣльность школы, то имъ можно напомнить, что таково было вообще свойство этого изумительнаго таланта, отдавашагося интересамъ реакціи и разрушенія греческой республики. Когда смотришь на ученіе Платона въ цѣломъ, то больше всего въ немъ видится хаосъ, созданный умомъ дикимъ, необузданнымъ, но необычайно богатымъ фантазіей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не изумительно, что ученикъ пострадавшаго за свободу мысли Сократа, котораго онъ идеализировалъ, какъ жертву инквизиціоннаго процесса, оказывается самъ величайшимъ инквизиторомъ, беспощадно карающимъ не только направленія рационалистической мысли, но и всякаго рода еретическія уклоненія вѣры, что философъ внезапно превращается въ гнѣвнаго іерарха! Развѣ не изумительно противорѣчіе между его моральнымъ ученіемъ и его уголовнымъ правомъ: можно ли было въ одно и то же время проповѣдовать всеблагость Бога, осуждать взглядъ на божество, какъ виновника зла, и обрушиваться на демократію за мягкость въ отношеніи преступниковъ, требовать въ своемъ кодексѣ тяжелыхъ наказаній за малые проступки, на каждомъ шагѣ грозить смертной казнью, вообще возводить застрачиваніе въ систему охраненія

общественности! И, наконецъ, еще одна, можетъ быть, самая поразительная изъ платоновскихъ несообразностей: самъ оригинальный поэтъ, мифотворецъ, неистощимый сочинитель яркихъ аллегорій, Платонъ заявляетъ себя яростнымъ врагомъ всякой красочной поэзіи, оставляя въ своемъ идеальномъ обществѣ мѣсто только монотоннымъ религіознымъ гимнамъ.

Примирить эти противорѣчія нельзя такъ же, какъ невозможно найти гармонію въ грудѣ рухнушаго великолѣпнаго зданія: Платонъ—продуктъ разгрома греческой культуры, въ немъ все ея прекрасныя и богатыя свойства, но не въ дружной совмѣстной работѣ, а въ жестокой взаимной схваткѣ, поднявшіяся горой другъ противъ друга.

Церковно-педагогическая система Платона. Большой діалогъ, посвящій заголовокъ «о государствѣ» (*περί πολιτείας*), не имѣетъ никакого отношенія къ государственному праву. Можно удивляться, что до сихъ поръ система Платона фигурируетъ во всѣхъ сочиненіяхъ по исторіи политическихъ ученій. Въ дѣйствительности Политія Платона есть трактатъ о воспитаніи и обученіи высшей породы людей. Новое церковно-аристократическое общество выступаетъ на фонѣ очень опредѣленнаго государственнаго строя, но Платонъ предполагаетъ этотъ строй уже готовымъ и не теряетъ ни одной минуты на объясненіе, какъ такое государство могло произойти. Не трудно замѣтить, что государство и общество Политіи составляетъ буквальное повтореніе браминскаго строя въ Индіи; очень вѣроятно, что Платонъ былъ знакомъ съ дальневосточнымъ оригиналомъ и старательно скопировалъ его характерныя черты, для которыхъ греческій міръ не давалъ никакихъ реальныхъ основаній. Платоновское государство—кастическое; въ немъ профессіи раздѣлены навѣки между сословіями, права и занятія переходятъ по наслѣдству и становятся неразрывной долей человѣческой природы. Оно знаетъ тѣ же три породы людей, какъ и браминская Индія; рабочихъ, воиновъ и священниковъ (у Платона *χηματιστικόν, ἐπιχορικόν* и *φυλακικόν*, или *βουλευτικόν γένος*)¹⁹. Дѣленіе на касты Платонъ оправдываетъ странной на нашъ взглядъ параллелью общества и человѣческаго организма, которую онъ не успеваетъ вставить кстатн и некстати. Три сословія отвѣчаютъ тремъ качествамъ человѣческой природы, его грубымъ матеріальнымъ потребностямъ, его аффективной жизни и его отвлеченной мысли; какъ умъ управляетъ тѣломъ, чувства двигаютъ его, низшіе органы питаютъ, такъ же и въ обществѣ должны быть строго распредѣлены функціи между тремя соотвѣтствующими классами людей; какъ несоединимы органическія качества человѣческаго существа, такъ же должны быть строго раздѣляемы группы общественнаго тѣла. Эту своеобразную психо-физиологію Платонъ, вѣроятно, также заимствовалъ изъ восточной мистики.

Авторъ нисколько не интересуется судьбами рабочаго класса: ремесленники, торговцы, хлѣбопашцы, землекопы, плотники, каменщики, носильщики и пр. въ его глазахъ не граждане, почти не люди; о нихъ пускай заботится Господь Богъ. Лишь два высшіе класса занимаютъ Платона. Они сливаются въ сущности въ одинъ аристократическій слой «стражей общества»; всѣ они въ молодые годы проходятъ военную школу; изъ самыхъ даровитыхъ воиновъ, и притомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, образуется высшій слой, собственно «стражей», или «философовъ». Платонъ только принимаетъ видъ, будто бы собирается описать ихъ политическую правительственную дѣятельность. Въ дѣйствительности онъ говоритъ о томъ, какъ вырастить и воспитать чистую расу, т.-е. составляетъ главы по антропологии и гигиенѣ, затѣмъ изображаетъ спортивные занятія юношества и другихъ возрастовъ и, наконецъ, набрасываетъ очертанія научнаго курса, проходимаго въ высшей школѣ. Изъ Полити не видно, какимъ дѣломъ будутъ заниматься стражи общества, и даже нельзя хорошо понять, почему они собственно называются стражами. Для того, чтобы эти люди бѣлой кости могли отдаваться самоусовершенствованію, кругомъ должна кипѣть работа: кто-то долженъ пахать, торговать, таскать тяжести, варить ѣду и чистить гимнастическія площадки, и еще кто-то долженъ держать въ строгомъ порядкѣ всю трудовую машину, т.-е. управлять государствомъ. Философы платоновскаго общества принимаютъ крѣпостной трудъ, какъ должное, но, видимо, предоставляютъ другимъ сильнымъ рукамъ командовать и нагонять страхъ на подчиненный рабочій классъ.

Платонъ подхватилъ рядъ популярныхъ теорій своего времени и своеобразно переработалъ ихъ на пользу и для украшенія идеальнаго общества. Его стражи живутъ въ полной коммунѣ какъ относительно женъ, такъ и въ смыслѣ имущественномъ. Семейное начало подлежитъ полному истребленію въ аристократической средѣ, описанной Платономъ. У стражей не должно быть денегъ, нѣтъ частныхъ жилищъ; они обѣдаютъ большими компаніями, товариществами. Они не могутъ вступать въ постоянные браки; всѣ соединенія временны, и даже принимаются мѣры, чтобы не образовалось прочной привязанности между опредѣленными лицами разныхъ половъ. Мало того, не должно возникать никакой любви между матерью и ребенкомъ: ради этого въ идеальномъ обществѣ будетъ устроенъ большой родильный домъ, въ которомъ женщины остаются кормилицами, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не могли узнавать собственныхъ дѣтей.

Соціализмомъ такой порядокъ никакъ нельзя назвать: о справедливомъ вознагражденіи за трудъ или вообще о распредѣленіи богатствъ

сообразно общественнымъ заслугамъ у Платона нѣтъ рѣчи. Его радикальное уничтоженіе семьи вытекаетъ изъ теоріи созданія и усовершенствованія чистой расы,—теоріи, которая, очевидно, была принята вообще въ Сократовой школѣ, потому что мы находимъ ее также у Ксенофонта. Правда, Платонъ выдвигаетъ на первое мѣсто заботу объ истребленіи эгоизма въ сословіи стражей; въ виду того, что они готовятся къ исключительно самоотверженному служенію обществу, у нихъ надо отнять всѣ соблазны и всякія частныя привязанности. Но Платонъ не послѣдователенъ: лучшіе, наиболѣе храбрые войны будутъ вознаграждаемы любовью болѣе красивыхъ женщинъ, и притомъ болѣе частымъ удовлетвореніемъ своей страсти. Да и вообще мораль всюду уступаетъ гигиенѣ и расовой дисциплинѣ, заимствованной изъ области животноводства; вѣдь Платонъ истребляетъ семью вовсе не изъ этическихъ соображеній: соединенія наиболѣе сильныхъ и красивыхъ индивидовъ никоимъ образомъ не должны сопровождаться психическимъ влеченіемъ ихъ другъ къ другу; это—слученія самцовъ и самокъ, находящихся подъ строгимъ надзоромъ предержавшихъ властей, которыя будутъ обладать высшими антропологическими свѣдѣніями.

Изъ числа господствующихъ передовыхъ теорій вѣка Платонъ заимствуетъ идею эмансипаціи женщинъ. Онъ считаетъ женщинъ вполне пригодными для той же физической и умственной дисциплины, которую должны проходить мужчины, но, конечно, только женщинъ аристократическаго слоя: въ безпечальной спортивной и спекулятивно-кабинетной жизни, которую ведутъ «стражи», отчего же и ихъ подругамъ не равняться съ ними! Женщины могутъ быть и врачами, и философами, и даже воительницами, но, разумѣется, онѣ будутъ во всемъ слабѣе мужчинъ. У Платона нѣтъ настоящаго уваженія къ существу женскаго ума и характера. Въ Законахъ, гдѣ повторено требованіе совмѣстнаго воспитанія обоихъ половъ, указывается на особые грѣхи женскаго существа, неискренность и вороватость (*γένος λαθραίοτερον και ἐπικλοπώτερον*)²⁰, вслѣдствіе чего законодатель долженъ поставить женщинъ подъ опеку болѣе твердаго пола и, напр., не допускать замужнихъ къ свидѣтельству на судѣ. Невольно приходится думать, что уравниеніе женщинъ въ правахъ на высшее образованіе и на занятіе общественныхъ функцій (кромѣ собственно правительственныхъ, которыя остаются монополіей мужчинъ) вытекаетъ у Платона не столько изъ общаго признанія въ женщинѣ челоуѣческаго достоинства, а изъ его вѣры въ совершенствованіе породы посредствомъ подбора, наслѣдственной передачи качествъ и постоянной дисциплины; въ большомъ питомникѣ и университетѣ аристократіи женщины не должны отвѣчать отъ мужчинъ, для того, чтобы закрѣпить расовыя свойства.

Черты Платоновской религии и научнаго богословія. Идеальное общество Платона не только питомникъ, не только школа, а также церковь, теократическая община спасающихся истинной вѣрою и истиннымъ знаніемъ. Прежде чѣмъ говорить о гигиенѣ, гимнастикѣ, наукахъ и пр., Платонъ заводитъ рѣчь о религіозномъ воспитаніи, о соблюденіи чистоты вѣры, о строгомъ направленіи религіознаго воображенія. И сразу строитель общества будущаго оказывается жесточайшимъ пуританиномъ. Вторая книга Политіи заключаетъ въ себѣ настоящій индексъ, какъ будто бы составленный для большого цензурнаго вѣдомства, а также для справокъ инквизиторамъ. Тутъ летитъ на костеръ чуть ли не вся поэтическая литература грековъ, начиная съ Гомера и кончая великими трагиками V вѣка; гибель и анаеема всѣмъ сказочникамъ, сочинителямъ эпическихъ пѣсень, драматургамъ, истребленіе всей мифологіи, всего антропоморфическаго, всякаго рода очеловѣченія боговъ, олицетворенія силъ природы; но также прочь эротическую лирику, прочь изображеніе человѣческихъ страстей, которымъ такъ любила заниматься «подражательная» поэзія, долой вся литература, которая волнуетъ людей раздраженіемъ въ нихъ симпатическихъ чувствъ, воспаленіемъ ихъ аффективной жизни. Въ идеальномъ обществѣ допускаются только гимны богамъ и восхваленія великихъ людей, а чувственная муза изгоняется навсегда.

Соотвѣтствующія страницы Платона особенно тяжело читать: здѣсь наглядно видишь, какая буря прошла по чудесному саду греческой культуры, какъ пусто и жутко стало, если одинъ изъ талантливѣйшихъ поэтовъ Греціи самъ, въ непомятомъ ослѣпленіи, бросился доламывать немногія цвѣтуція растенія, пощаженные временемъ и пережившія упадокъ вкуса. Колоссальное ауто-да-фе должно расчистить почву для религіознаго воспитанія новаго общества. Въ чемъ же состоитъ правильная вѣра, чистое богопочитаніе и возвышающій чело- вѣка культъ?

Въ опредѣленіи обязательныхъ религіозныхъ нормъ Платонъ рѣзко заявляетъ свое аристократическое высокомеріе. Его интимныя возрѣнія можно назвать деизмомъ. Для себя и для людей своего круга онъ признаетъ единаго Бога, всеблагаго и всевѣдущаго, строителя вышняго міра, служащаго образцомъ міру земному, признаетъ Провидѣніе, направляющее міръ въ цѣломъ, но не входящее въ частности, среди которыхъ господствуетъ случай и капризъ мелочныхъ влеченій. Онъ рационалистически разбирается въ догматахъ и не апеллируетъ для утвержденія ихъ къ вѣрѣ отцовъ, къ религіозной традиціи. Совсѣмъ другое дѣло, когда дѣло идетъ объ установленіи публичнаго культа и обязательныхъ для народа вѣрованій. Платонъ считаетъ необходимымъ

организовать государственную церковь, притомъ очень строгую и не допускающую отклоненій; нужно соединить традиціонные элементы съ полезными новыми ученіями для того, чтобы держать массу народа въ порядкѣ и повиновеніи. Онъ предлагаетъ обратиться къ авторитету Дельфійскаго оракула, расположеннаго въ пупѣ земли, и просить его объ установленіи культа для членовъ идеальной общины. Старое многобожіе полезно удержать. Въ почитаніи высшихъ существъ надо будетъ различать три категоріи, изстари признанныя: боговъ, духовъ и святыхъ (*θεοί, δαίμονες, ἕρωες*)²¹. Чрезвычайно важно вселить въ головы правильное представленіе о загробной жизни, страствованіи душъ, страшномъ судѣ и возмездіи за добрыя дѣла и грѣхи. Политія заканчивается рассказомъ о путешествіи въ потустороннемъ мірѣ дѣкогого армянина Эра, уроженца Памфилии, видѣвшаго тайны загробнаго міра: на его глазахъ происходило переселеніе душъ и вступленіе ихъ въ новыя тѣла; совершался божественный судъ, въ силу котораго души праведныхъ возносились на небеса, а души нечестивцевъ спускались въ преисподнюю; огненные дьяволы мучили и истязали самыхъ преступныхъ злодѣевъ. Рассказъ производитъ впечатлѣніе аллегорической проповѣди, сочиненной Платономъ на основѣ какой-то восточной мистической новеллы; цѣль его въ томъ, чтобы дать ученикамъ образецъ въ руководство при постановкѣ религіознаго воспитанія.

Большой интересъ представляетъ также организація высшаго преподаванія въ Политіи. Кругъ научныхъ дисциплинъ, допущенныхъ въ церковную общину, весьма тѣсно ограниченъ. Физическія науки отсутствуютъ, если не считать астрономіи, которая у платониковъ имѣетъ важное богословское назначеніе; ея факты и выводы должны служить доказательствомъ бытія Божія. Нѣтъ и того, что мы называемъ науками общественными. Платоновскіе философы не интересуются ни отечествовѣдѣніемъ, ни міровѣдѣніемъ; прошлое человѣческой культуры, хотя Платонъ и объявляетъ его весьма длительнымъ, не заслуживаетъ обстоятельнаго изученія. Двѣ науки господствуютъ въ обязательномъ курсѣ, и обѣ онѣ поставлены очень высоко: математика и діалектика. Можно допустить, что изученіе математики дѣйствительно было очень серьезно въ Платоновской Академіи; но также несомнѣнно, что среди нея была развита символическая игра чиселъ, математическая мистика. При сравненіи политическихъ формъ мы неожиданно узнаемъ, что положеніе царя въ 729 разъ лучше положенія тиранна; по какому капризу мысли оказался тутъ кубъ девяти, очень трудно понять.

Что касается діалектики, Платонъ поетъ ей гимны: она вѣнчаетъ другія науки, она единственное средство для полного познанія міра идей. Ни въ чемъ такъ сильно не обнаруживается происхожденіе Пла-

тоновской школы изъ нѣдръ столь осуждаемой имъ софистики: вѣдь это пристрастіе къ развертыванію словесныхъ рядовъ, эта вѣра, что въ словѣ можно вычитать истину, и составляетъ именно характерную черту тѣхъ «лжефилософовъ», которыхъ Платонъ бичуетъ всюду, какъ враговъ истины. Мы чувствуемъ встрѣчу двухъ богословскихъ школъ, примѣняющихъ одни и тѣ же приемы, раздѣленныхъ тонкой перегородкой, не видной и непонятной для постороннихъ, яростно спшибающихся на почвѣ діалектическихъ споровъ, въ которыхъ побѣда должна остаться за самымъ искуснымъ словоборцемъ.

Соціальное ученіе Платона и консервативныя предложенія Исократы. Читателю діалоговъ Платона обыкновенно не легко выбраться изъ волшебнаго лѣса, куда его завелъ великій мастеръ литературнаго очарованія, не легко дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что же такое ему рисовали, воздушные замки или реальную жизнь? Когда Платонъ презрительно отзывался о всѣхъ существующихъ формахъ, изображаетъ кружокъ своихъ единомышленниковъ высоко парящимъ надъ жалкой земной юдолюю, очень и очень многіе готовы вѣрить ему и считать его мечтанія вполне отрѣшенными отъ жизни. Однако подобное заключеніе весьма ошибочно. Платонъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду окружающей дѣйствительности, и всѣ его будто бы отвлеченности немедленно могутъ и должны быть переводимы на самый реальный языкъ. Въ Афинахъ было въ 60-хъ и 50-хъ годахъ IV вѣка множество людей, сочувствовавшихъ церковно-олигархическимъ идеямъ Политія, по выражавшихъ соответствующія желанія лишь въ нѣсколько иной формѣ. Особенно близко къ Платоновской Политіи стоитъ брошюра Исократы подъ заглавіемъ *Ареопагитикъ*, вышедшая въ свѣтъ скоро послѣ мира 355 года. Нѣтъ нужды выяснять, кто у кого заимствовалъ, и вѣришь ли Исократы назвать платоникомъ, или Платона исократикомъ: они оба — провозвѣстники широко распространенныхъ консервативныхъ желаній тѣхъ зажиточныхъ слоевъ общества, которые надѣялись замѣнить воинственный капитализмъ мирнымъ, сохраняя при этомъ свое господство надъ массой.

Исократъ отмѣчаетъ крайнее равнодушіе консервативныхъ слоевъ гражданства къ политикѣ; эти люди сидятъ въ дѣловыхъ конторахъ и мастерскихъ (*ἐργαστήρια*) и только сокрушаются тому, что все плохо идетъ, а сами не принимаютъ никакихъ мѣръ; онъ беретъ на себя задачу встряхнуть общество и заставить его задуматься о необходимости своего спасенія (*περὶ σωτηρίας*). Самое страшное явленіе современности — зависть бѣдныхъ къ богатымъ, небезпечность кредита, небезопасность вообще обладанія капиталомъ; все происходитъ отъ ложнаго ученія о равенствѣ, отъ господства неограниченной демокра-

ти. Исократъ умоляетъ не считать его сторонникомъ олигархіи; нѣтъ, онъ всегда былъ другомъ демократіи, но только демократіи разумной, правильно установленной. Аѳины уже разъ обладали такимъ идеальнымъ устройствомъ; имъ нужно лишь вернуться къ созданіямъ Солона и Клисѳена. Подъ видомъ патріархальной республики Исократъ изображаетъ желательные консерваторамъ порядки. Въ старинныхъ Аѳинахъ къ должностямъ не допускали безразлично всѣхъ и каждаго, а выбирали самыхъ достойныхъ и способныхъ гражданъ. Между классами не было борьбы и розни, потому что всякій зналъ и соблюдалъ свое мѣсто. Богатые помогали бѣднымъ, находя имъ всякія занятія, то въ отдачѣ земли за умѣренную аренду, то въ торговой службѣ, то въ другихъ дѣловыхъ порученіяхъ; охотно также *они давали деньги въ ростъ*. Исократъ хочетъ сказать: вотъ и теперь надо создать обширную систему кліентства, надо организовать демосъ въ качествѣ массы рабочихъ и служащихъ, зависимыхъ отъ капиталистовъ.

Интересны другія предложенія Исократова, клонящіяся къ фактическому упраздненію демократіи и всѣхъ ея традицій. Зачѣмъ эти роскошныя траты на праздники, это мотовство народа? Зачѣмъ непрерывное политическое строительство и законодательство? Чѣмъ больше пишутъ законовъ, тѣмъ больше порчи и преступленій. Для того, чтобы гражданство жило правильно, нужны не мелочныя предписанія, а общее разумное воспитаніе. Такой гражданской педагогіей въ старину завѣдовалъ Ареопагъ; глубокоумудрый совѣтъ этотъ направлялъ и взрослыхъ, и молодежь, съ которой такъ трудно стало орудовать въ послѣднее время. Ареопагъ зналъ, какъ распредѣлить людей по ихъ достаткамъ, чтобы никто не тянулся выше своего званія; онъ опредѣлялъ бѣдныхъ юношей на такія занятія, какъ земледѣліе, ремесло, между тѣмъ какъ богатымъ открывалась охота, ѣзда верхомъ и занятія философіей.

Ареопагитикъ хочется назвать Платоновскою Политіей, переведенной на языкъ прозы. Тутъ все есть, что характерно для Платона: и дѣленіе на неподвижные классы, и правленіе достойнѣйшихъ, и осужденіе бѣдности на вѣчную зависимую работу, и замѣна гражданскихъ установленій педагогической системой, и даже провозглашеніе философіи спеціальнымъ занятіемъ денежной аристократіи. Пожалуй, можно сказать, что роль Ареопага, распредѣлявшаго будто бы занятія и профессіи, не менѣе фантастична, чѣмъ управленіе Платоновскихъ «стражей». Наконецъ, Исократъ такъ же, какъ Платонъ, считаетъ нужнымъ раскланяться слегка передъ коммунизмомъ. Онъ объявляетъ всю систему кліентства, когда капиталисты нанимали бѣдныхъ, сужали ихъ деньгами, отдавали имъ земли въ аренду и оказывали другія подобныя

любезности, тѣмъ справедливымъ порядкомъ, при которомъ богатства находятся въ общемъ обладаніи всѣхъ нуждающихся.

Сравненіе съ Исократомъ помогаетъ установить конкретную подкладку социальныхъ фантазій Платона. Но и самъ Платонъ въ Законахъ выступилъ изъ мистическаго тумана, оставилъ мысль о достиженіи идеала справедливости путемъ построенія божьяго государства и далъ очень обстоятельное и реалистическое описаніе новаго желательнаго и достижимаго общественнаго устройства.

Административное право общины спасенныхъ. Не всѣ согласны признать Законы произведеніемъ самого Платона. Многимъ кажется, что если эта книга и написана имъ, то отражаетъ старческія воззрѣнія философа, усталаго, лишеннаго прежней убѣжденности и былого подъема. По внѣшности поразительно, что въ Законахъ нѣтъ фигуры Сократа, устами котораго Платонъ высказываетъ обычно свои взгляды. Не похожа на другіе діалоги и манера изложенія Законовъ; вмѣсто пространнаго свободнаго развитія общихъ идей, вмѣсто блестящихъ картинъ и аллегорій здѣсь сухой и утомительный переборъ прозаическихъ статей городского кодекса. Но, съ другой стороны, все время чувствуется глубокий фонъ церковнаго міровоззрѣнія Платона; когда дѣло доходитъ до опредѣленія проступковъ противъ религіи, просыпается горячность іерарха-философа; онъ широкими мазками набрасываетъ очертанія системы правовѣрія, которое слѣдуетъ охранить всѣми мѣрами уголовного права. Помимо того, мы встрѣчаемся и съ другими идеями Платона, знакомыми изъ Политіи: пуританизмомъ въ отношеніи искусства и литературы, сочувствіемъ ограниченной эмансипаціи женщинъ, неопредѣленными уступками социализму, увѣренностью, что воспитаніе замѣняетъ необходимость всякихъ искусственныхъ политическихъ сдержекъ, затѣмъ возвеличеніемъ математики, какъ пути къ богопочитанію, и т. п. Если не считать Платона авторомъ Законовъ, то надо признать, что книга вышла изъ его школы, находится подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, вдохновляется желаніемъ приложить платоновскіе принципы къ жизни. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Законы—чрезвычайно любопытное произведеніе; оно даетъ какъ бы комментарий къ общему идеалу Политіи, досказываетъ то, что тамъ оставалось не вполне выясненнымъ.

Прежде всего Законы открываютъ намъ съ особенной силой то настроеніе, которое можно было бы назвать страхомъ жизни у Платона и его школы. Глубокое и безнадежное отчаяніе проникаетъ изображеніе современнаго быта и понятій общества. Все распаталось, нѣтъ никакихъ устоевъ, все развѣдено скептицизмомъ своевольнаго распущеннаго поколѣнія. Началась порча отъ чрезмѣрной свободы искусства,

особенно театральнаго. Почти не осталось вѣрующихъ людей; множество впало въ атеизмъ, по соображеніямъ ли отвлеченно-теоретическимъ, или моральнымъ. Жажда наживы, зависть къ чужому достатку—господствующій стимулъ жизни. Такое общество надо спасать героическими мѣрами. «Законы» составляютъ проектъ устроенія общины спасенныхъ при помощи искусственной изоляціи ихъ отъ остального міра. Первое и основное требованіе—устроить новую общину подальше отъ моря и широкаго обмѣна: поэтому выбирается одна изъ замкнутыхъ долинокъ на о. Критѣ. Членовъ общины не слѣдуетъ, вообще говоря, выпускать за границу; «сношенія съ иностранными краями опасны для правовъ благоустроеннаго государства»²². Только пожилымъ людямъ будутъ выдаваться иностранные паспорта; можно посылать ихъ группами на общегреческія празднества. Не мѣшаетъ время отъ времени отправить въ путешествіе умнаго старика для научной цѣли: узнать чужіе порядки, повидать тѣхъ немногихъ хорошихъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ. По возвращеніи изъ командировки онъ долженъ дать отчетъ законоохранительной коллегіи, въ которой сидятъ судьи, стражи законовъ, начальникъ учебнаго вѣдомства и его предшественники по должности. Если высокая коллегія найдетъ отчетъ удовлетворительнымъ, посылаемому за границу высказывается одобреніе. Если же получилось впечатлѣніе, что командированный испортился отъ путешествія, ему воспрещаютъ преподаваніе и вообще какія-либо бесѣды съ согражданами. Бѣда ослушаться запрета цензурно-инквизиторской власти: нарушителю такового грозитъ «за недозволенное вмѣшательство въ воспитаніе гражданъ и законодательство города» смертная казнь!²³

Всюду вступаютъ въ силу разныя ограничительныя нормы. Такъ, напр., устанавливается неподвижное число гражданъ; лучше всего остановиться на цифрѣ 5040, потому что это число можетъ служить кратнымъ многихъ дѣлителей. Чужихъ, по возможности, лучше совсѣмъ не принимать въ гражданство. Гражданамъ запрещаются займы, денежныя сдѣлки, вообще примѣненіе денегъ и какія-либо торговыя сношенія; вся торговля должна быть въ рукахъ пришлыхъ людей, временно пребывающихъ въ общинѣ. Запрещается крупная индустрія, не должно быть индустріальныхъ рабовъ, желательно держать гражданъ въ умѣренномъ достаткѣ.

Авторъ дѣлаетъ признаніе въ пользу теоретической правильности ученія о равенствѣ имущества. На практикѣ онъ считаетъ возможнымъ провести идею соціально-экономическаго равенства только въ отношеніи земельной собственности. Надо воспользоваться тѣмъ, что въ ново-учреждаемой общинѣ земля еще не подѣлена; тогда можно безъ всякихъ конфискацій, которыя вызываютъ обыкновенно столько раздраженія,

надѣлить всѣхъ участками одинаковаго размѣра. Что касается подвижности, онъ отказывается отъ уравненія; равнять капиталы—вещь неосуществимая; напротивъ, тутъ надо дать мѣсто началу ценза; граждане раздѣляются на 4 класса; лишь высшіе имущественные разряды могутъ быть допущены къ должностямъ.

Кажется, непослѣдовательность эту можно такъ объяснить. Равенство земельныхъ участковъ составляетъ гарантію неподвижности строя; оно лучше всего обезпечиваетъ сохраненіе разъ установленнаго числа гражданъ. Съ другой стороны, такъ какъ въ Атикѣ нѣтъ особенно разбитаго крупнаго землевладѣнія, но есть капиталисты, обладатели крупной подвижности, то авторъ Законовъ, ни на минуту не упускающій изъ виду свой родной городъ, можетъ быть увѣренъ, что онъ не затронуть ничѣмъ самолюбія «порядочныхъ людей» въ средѣ своихъ согражданъ. Общей социалистической теоріи высказанъ комплиментъ, такъ какъ подобныя признанія требуются модой. Для консервативныхъ круговъ сдѣлана вмѣстѣ съ тѣмъ очень важная оговорка; равные надѣлы возможны, разумѣется, только на неподѣленной землѣ, на дѣвственной почвѣ; о конфискаціи существующихъ владѣній не можетъ быть и рѣчи. Соціализмъ принять въ принципѣ и совершенно обезвредить на практикѣ.

Преступленіе и наказаніе по Платону. Ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ страхъ жизни и связанная съ нимъ реакціонная забота, какъ въ уголовномъ законодательствѣ, начертанномъ для идеальной общины. Автору Законовъ кажется, что у людей необычайно сильны порочныя наклонности, и сдержать злодѣйства можно только непрерывнымъ надзоромъ и постоянной угрозой жестокихъ каръ. Уголовный кодексъ такъ и нестрить упоминаніемъ смертной казни; вотъ ужъ по-долго «кровавые законы»! Смертная казнь положена за воровство, за укрывательство политическаго изгнанника, за взятку, нечего и говорить о проступкахъ болѣе тяжелыхъ. Авторъ сознаетъ необходимость теоретическаго оправданія столь жестокой кары, и вотъ что онъ говоритъ. Смертная казнь должна быть присуждаема въ томъ случаѣ, если нѣтъ надежды на исправленіе преступника, потому что «для такого человѣка хуже остаться въ живыхъ; кромѣ того, уничтоженіе его приноситъ другимъ двоякую пользу, во-первыхъ, давая устрашительный примѣръ, во-вторыхъ, освобождая общину отъ бремени такихъ злодѣевъ»²⁴. Важна не только смерть преступниковъ, но и зрѣлище смерти, какъ средство устрашенія: въ извѣстныхъ случаяхъ тѣло казненнаго выбрасываютъ въ поле нагимъ. Истязанія, бичеванія тоже должны быть часто примѣняемы не только къ рабамъ, для которыхъ это повседневное явленіе, но и къ свободно рожденнымъ.

Наиболѣе грустное впечатлѣніе производить въ Законахъ тотъ отдѣлъ, который можно назвать инквизиціоннымъ процессомъ²⁵. Мы уже видѣли сужденія автора о современности. Онъ находитъ общество погруженнымъ въ невѣріе и равнодушіе къ религіи. Господствующимъ міровоззрѣніемъ, по мнѣнію Платона, сталъ физическій матеріализмъ, объясняющій явленія міровой жизни дѣйствіемъ слѣпо напорающихъ силъ. Такъ плохо стало насчетъ вѣры, что уже почти нельзя никого подводить къ присягѣ²⁶. Но... тѣмъ хуже для атеистовъ, они будутъ искоренены всѣми возможными мѣрами. Во-первыхъ, къ должностямъ можно допускать только вѣрующихъ, и притомъ вполне правовѣрныхъ. Литература поступаетъ подъ строжайшій надзоръ властей; все, что способно волновать страсти, изгоняется изъ государства. Законодатель принимаетъ на себя обязанности богослова и проповѣдника: онъ устанавливаетъ неопровержимо, между прочимъ посредствомъ астрономическихъ доводовъ, существованіе единого Высшаго существа, правящаго міромъ и держащаго судъ праведный надъ людьми; эти основные догматы составляютъ вступленіе къ ряду уголовныхъ статей, цѣль которыхъ—безпощадное преслѣдованіе несогласно мыслящихъ.

О всякаго рода словахъ или дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ презрѣнія къ богамъ, должно быть доносимо властямъ; уличенный немедленно заключается въ тюрьму. Затѣмъ надо различать двѣ категоріи атеистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые не скрываютъ своихъ убѣжденій и честно отрицаютъ существованіе боговъ или не признаютъ боговъ праведными судьями надъ человѣчествомъ, но сами не совершили никакихъ дурныхъ поступковъ, подлежатъ тюремному заключенію въ теченіе пяти лѣтъ; за это время ихъ посѣщаютъ лишь члены духовной коллегіи, той самой, которая снимаетъ отчетъ съ командированнаго за границу; эти духовники стараются въ бесѣдахъ вернуть заблуждающагося на путь истины и спасти его душу (*ἐπὶ τῇ τῆς ψυχῆς σωτηρίᾳ ἐμιλοῦντες*)²⁷. Если провинившійся не исцѣлился отъ своихъ заблужденій или послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы вновь сталъ соблазнять другихъ своимъ примѣромъ, то ничего не остается иного, какъ его казнить. Въ другую категорію надо отнести тѣхъ, кто скрываетъ свои атеистическія воззрѣнія, но эксплуатируетъ въ свою пользу вѣрующихъ людей и ихъ простоту; такихъ надо заключать въ особую одиночную тюрьму, выстроенную въ дикой пустынной мѣстности, гдѣ они будутъ совершенно лишены всякихъ сношеній со свободными людьми, а пищу будутъ получать изъ рукъ рабовъ. Послѣ смерти тѣла этихъ лицемѣровъ и преступниковъ выбрасываются за границу; тотъ, кто вздумаетъ ихъ похоронить, самъ будетъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи боговъ. Безпощадно строгъ законодатель и къ тому, что

онъ считаетъ суевѣріемъ. Въ главѣ о врачебномъ искусствѣ онъ начинаетъ вдругъ въ очень грозномъ тонѣ говорить о примѣненіи ядовъ и сильно дѣйствующихъ лѣкарствъ (*φαρμακεία*); тутъ же оказываются подъ большимъ подозрѣніемъ всякаго рода магическіе и знахарскіе приемы; въ заключение онъ грозитъ смертною казною за всякую попытку вѣдовства со стороны предсказателей и толкователей примѣть.

Надо представить себѣ, что въ результатѣ примѣненія всѣхъ этихъ статей уголовно-полицейскаго кодекса должна была возникнуть масса неслыханныхъ дотогѣ процессовъ, количество которыхъ грозило далеко превзойти дѣятельность обыкновенныхъ судовъ. Судя по озлобленному тону Законовъ, мрачный клерикализмъ надвинулся вплотную на интеллектуальный міръ Греціи и повисъ надъ нимъ тяжелой тучей; всѣ аргументы позднѣйшей инквизиціи, вся психологія вѣдовскаго процесса уже даны Платономъ. И когда читаешь эти поистинѣ страшныя страницы Законовъ, невольно вспоминается одно выраженіе автора, которымъ онъ сопровождаетъ правила, регулиующія эстетическую жизнь въ идеальной общинѣ: «трагедія (намъ) не нужна, трагедію замѣнить устройство государства; само государство составляетъ трагическую пьесу высокаго стиля»²⁸. Благочестивый пессимистъ, онъ не замѣтилъ, какой злой шуткой надъ его собственной системой государственной опеки общества звучать эти слова.

Общество грядущаго бюрократическаго государства. Одно обстоятельство не можетъ не вызвать смущенія у внимательнаго читателя Законовъ. Спрашивается, откуда духовные судьи возьмутъ столько помощниковъ, доносчиковъ, обвинителей, тюремщиковъ, палачей? Кто вообще дастъ внѣшнюю опору, «свѣтскій мечъ», на поддержку ихъ авторитета? Выбранныя гражданами хотя бы изъ стариковъ и капиталистовъ должностныя лица не въ силахъ одни сладить со всей массой преступниковъ, нарушителей, подозрительныхъ и уклоняющихся. Мы рѣшаемся думать, что выходъ изъ этого затрудненія заключается въ слѣдующемъ. Въ Законахъ описана вовсе не самодовлѣющая община, вовсе не автономный греческій кантонъ, а лишь небольшая доля крупнаго государства. Вотъ почему въ Законахъ нѣтъ никакой политики, а есть только статьи каноническаго и полицейскаго права, религиозный процессъ и городское благоустройство. Тутъ нѣтъ описанія настоящихъ властей, потому что онѣ предполагаются гдѣ-то далеко въ видѣ общаго фона; но безъ нихъ въ свою очередь не мыслимо представить себѣ существованіе и дѣятельность городскихъ властей и духовныхъ коллегій. Платонъ уже воображаетъ себя среди большого бюрократическаго государства, въ которое вошла также и официально признанная церковь; городъ, описанный имъ, только по внѣшности и по воспомин-

наніямъ своимъ, примыкаетъ къ старой греческой автономной общинѣ; но отъ приемовъ и понятій вольнолюбивой республики въ немъ осталось очень мало; этотъ городъ—административная единица въ томъ стилѣ, какъ онъ устроенъ потомъ въ эллинистическихъ монархіяхъ и въ римской имперіи. Можетъ показаться непонятнымъ, гдѣ же въ Греціи Платонъ нашелъ примѣры такихъ общинъ. Но, не говоря о томъ, что малоазійскіе города, находившіеся во власти персидской державы, и сицилійскія общины, подчиненныя сиракузскому тиранну, вполне подходили для приложенія полицейскаго права Законовъ, надо хорошо взглянуть въ условія жизни общинъ европейской Греціи, чтобы увидѣть въ нихъ всюду почти рамки административнаго устройства въ духъ Платона. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть городовъ представляли олигархіи капиталистовъ и землевладѣльцевъ, обремененныхъ борьбой съ пролетариатомъ; правящій слой тянулся къ опека большаго государства и готовъ былъ поступиться ради этого своей автономіей. Въ самихъ демократическихъ по виду Аѣинахъ была сильная партія, которая съ 50-хъ годовъ настойчиво стремилась стать подъ охрану македонскаго царя и воспользоваться его опорой. Въ 338 году, послѣ Херонейской битвы и съ основаніемъ Коринѣскаго союза, греческія олигархіи получили желаемое; если не юридически, то фактически онѣ потеряли автономію и стали административными долями большой военной монархіи.

Платонъ составляетъ уложеніе для сокращенной, лишившейся автономіи общины. Онъ беретъ за образецъ старые городскіе кодексы, законы Солона, правды, подобныя Гортинской и т. д., но, какъ мы видѣли, онъ обогащаетъ ихъ содержаніемъ цѣлымъ отдѣломъ религіозно-уголовнаго права. Это право новаго происхожденія. Въ Аѣинахъ оно родилось наканунѣ великаго междуусобія, въ псефизмѣ Діопейѣа, и также знаменуетъ начало своего рода истребительной войны. Арена борьбы здѣсь весьма далека отъ того, что можно назвать общенародными интересами; сраженія и губительные процессы разыгрываются исключительно въ предѣлахъ интеллигентскихъ кружковъ и взаимныхъ счетовъ ученой и литературной братіи. Къ ужасу и сокрушенію своему мы видимъ, что со времени Діопейѣа взаимное раздраженіе въ средѣ интеллигенціи не ослабѣвало, а, напротивъ, все нарастало, отъ чрезвычайныхъ нападеній переходило къ непрерывной войнѣ, пока не выразилось у Платона въ цѣломъ аппаратѣ догматовъ правовѣрія, въ индексѣ запрещенной литературы и въ сложной постановкѣ религіознаго процесса.

Эти жестокія схватки ученыхъ и литераторовъ идутъ рука объ руку съ возрастаніемъ количества людей, занятыхъ въ интеллектуаль-

ныхъ профессіяхъ; взаимное ожесточеніе до извѣстной степени объясняется фактомъ перепроизводства интеллигенціи, которое въ свою очередь сопровождается большимъ разореніемъ страны. Влеченіе къ наукѣ составляетъ лишь незначительную долю въ кругу мотивовъ, создающихъ эту среду. Политія Платона показала намъ, какъ ограниченъ кругъ собственно ученыхъ интересовъ въ сектахъ. По всей вѣроятности, ряды греческой философствующей интеллигенціи пополняются въ IV вѣкѣ въ большой мѣрѣ сбитыми съ мѣста и положенія, незанятыми, неуравновѣшенными, часто непригодными къ жизни элементами, настоящими «лишними людьми». Они дѣлятся на секты и толки, которые яростно бросаются другъ на друга и, будучи безсильны истребить противника, обращаются, наконецъ, къ содѣйствію свѣтской власти.

¹ Исокp. Панегир. 13. ² Тамъ же 48. ³ С J A II, 17 = Dittenberger 63. ⁴ Ксеноф. Греч. ист. V, 4, 46. ⁵ Тамъ же VI, 3. ⁶ Тамъ же VI, 1. ⁷ Тамъ же VI, 5, 28. ⁸ Плут. Пелоп. 25. ⁹ Ксеноф. Греч. ист. VII, 1, 40. ¹⁰ Къ сужденію Демосоена о Каллистратѣ (рѣчь о лжепосольствѣ 297) схолиастъ прибавилъ: „Каллистратъ былъ могучимъ ораторомъ, и именно вслѣдствіе мощи рѣчи своей онъ подвергся преслѣдованію“. ¹¹ Слова Эпаминонда передаетъ Эсхинъ 2, 105. ¹² Пятидесятые годы IV вѣка представляются намъ весьма неяснымъ періодомъ. Греческая исторія Ксенофонта останавливается на Мантинейской битвѣ 362 г. Рѣчи Демосоена начинаются лишь съ самаго конца 50-хъ гг. Единственнымъ источникомъ остается Діодоръ, сообщающій краткія несвязныя свѣдѣнія на основаніи Эфора и Теопомпа, историковъ второй половины IV вѣка. ¹³ Эсхинъ противъ Ктесиф. 25. ¹⁴ Это — послѣднія слова статьи, гл. 48. ¹⁵ (Псевдоксеноф.) о доходахъ, гл. I. ¹⁶ Ксен. Греч. ист. VII, 1. ¹⁷ Вышеприв. мѣсто изъ Схол. къ Аристоф. Женщин. въ эккл. 102. ¹⁸ О встрѣчѣ новой богини разекавано въ начальной сценѣ Политія Платона. ¹⁹ Плат. Пол. IV 434 С и 441 А. ²⁰ Плат. Законы VI, 21. ²¹ Плат. Пол. IV 427 В. ²² Плат. Зак. XII, 5. ²³ Тамъ же 6. ²⁴ Тамъ же IX, 6. ²⁵ Плат. Зак., гл. IX и X. ²⁶ Тамъ же XII, 4. ²⁷ Тамъ же X, 15. ²⁸ Тамъ же VII, 19.